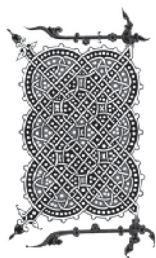


# ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2020 О.В. Кириченко  
Москва, Россия



## «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ВОСПОМИНАНИЯ ВАЛЕНТИНЫ АНДРЕЕВНЫ ЗВОНКОВОЙ. Ч. 2

### Подготовка публикации и предисловие

*Аннотация.* Воспоминания В. А. Звонковой посвящены церковной жизни автора, начиная с послевоенного времени и заканчивая 2000-ми годами. В центре воспоминаний стоит судьба самого автора, идущего сложной и тернистой дорогой православного христианина в атеистическом государстве и обществе. Автор показывает, что путь этот был непрост не только из-за преследований верующих, но даже в большей степени из-за особой нравственной атмосферы в быстро атеизирующемся советском обществе, где попирались традиционные нормы брачных отношений, где рушились привычные родственные связи и т. д. Воспоминания отмечены тонкими наблюдениями автора за жизнью современников, как церковной, так и светской.

*Ключевые слова:* православная вера, Русская Православная Церковь, благочестие, аскетика, духовничество, старчество, церковный приход, советская эпоха, воспоминания.

*Abstract.* The memoirs of V. A. Zvonkova are devoted to church life from the 1940-s to the 2000-s. At the heart of the memoirs is the fate of the author herself, walking the difficult path of the Orthodox Christian in an atheistic state and society. The author shows that this path was not easy, not only because of the persecution of believers, but even more so because of the special moral atmosphere in the rapidly atheizing Soviet society, where the traditional norms of marital relations were violated, where familiar family ties were broken, etc. The memoirs are marked by the author's subtle observations of the life of contemporaries, both churchly and secular. Keywords: memoirs, Soviet era from the 1940-s to the beginning of the 2000-s, Orthodox Christian church, church, priests, parish life.

*Key words:* Orthodox faith, Russian Orthodox Church, piety, asceticism, clergy, eldership, church parish.

---

**Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich)** – главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 25. С. 114–150

**ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X** || <http://naukapravoroslavie.ru>

**УДК – 2.21.215; ББК – 86.372.7;** <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2020-25/114-150>

Продолжение воспоминаний Валентины Андреевны Звонковой охватывает время с начала постсоветской эпохи и почти до нынешних дней. Здесь духовная и в том числе церковная жизнь автора теснейшим образом связана с ее духовником протоиереем Михаилом Трухановым, старцем и выдающимся богословом. Ценно, что автор воспоминаний отдает себе отчет, как непросто было попасть в духовные чада к такому человеку, и потому она описывает период знакомства со старцем как время постепенного узнавания, все более глубокого, от встречи к встрече. И только после трагических событий, связанных с ее жизнью и возможной близкой смертью, Валентина Андреевна буквально видит, как Промысел Божий творится там, где молится о. Михаил, и решает обратиться к нему с просьбой стать духовником. Она не только духовная дочь старца, но и ближайший его помощник. В монастырской жизни это называется «быть келейником», ближайшим помощником уважаемого монаха. Келейник не только помогает нередко немощному человеку, но в еще большей степени «берет» от него, учится духовной жизни из первых рук, овладевает искусством православно-христианской аскетики. Не случайно позже и сами бывшие келейники становились уважаемыми монахами. На этом, скажем, строилась старческая школа в Оптиной пустыни. В нашем же случае, о. Михаил тоже выбирает не просто расторопную помощницу, хорошо знающую, что такое послушание «выше поста и молитвы», но человека, который после его кончины сможет понести сложные послушания: по изданию его богатейшего богословского наследия, по сохранению памяти о нем, по консолидации тех, кто при жизни о. Михаила находил в его доме на Новослободской духовный приют. Вот и «Мои воспоминания» написаны как-то незаметно в череде других дел.

В этом периоде воспоминаний автор все чаще и чаще уходит от описания своей жизни в пользу описаний того, что делал о. Михаил, но читателю надо помнить, что почти за каждым событием стоит и ее личность. Едет ли о. Михаил к кому-то на квартиру исповедовать и причащать, добираясь в метро, пересаживаясь на трамвай и автобусы, везде рядом с батюшкой находится его помощница. Это она свидетельствовала, что дорогой батюшка никогда не присаживался, ни в метро, ни в автобусе; стоял, хотя ему было трудно без отмороженных и ампутированных в лагере пальцев. Многие случаи чудесных событий (исцелений, прозорливости и т. д.), поведение священника при общении с людьми сохра-

нились только в ее редакции, как сохранился в письменном виде и домашний церковный обиход о. Михаила. И матушка Вера Александровна, и келейница Валентина Андреевна, жившие под одной крышей с о. Михаилом, были свидетелями его священнической жизни: с ежедневными церковными службами — часами и литургиями, с огромнейшим числом поминальных имен, за здоровье и еще больше за упокоевание. Молодые священники, которые имеют хотя бы небольшой опыт ежедневного служения литургии, знают, какой это тяжелый труд, какая невероятная нагрузка, а пожилой о. Михаил служил ежедневно несколько десятилетий, что не исключало, а подразумевало, как следует из записок, и строгий, по уставу, пост, и весь ежедневный круг богослужения, кроме этого, еще и ночные молитвы, и чтение Евангелия; посещение храма в воскресный день, где весь евхаристический канон священник простаивал на коленях. Потом была домашняя трапеза с гостями, ответы на вопросы и опять — труды и труды. В этом монастырском круговороте времени, «жены-мироносицы» были необходимой составляющей жизни. И Валентина Андреевна была в числе самых близких к батюшке людей. Большой интерес, думаю, вызовет та часть предлагаемых воспоминаний, которая посвящена поездке Валентины Андреевны в Данию, которая ей самой поначалу виделась не очень понятной, но всегдашняя готовность следовать воле Божьей, опираясь на благословение духовного отца, и здесь привела к порядку, к пресечению человеческого, субъективного произвола, и поездка завершилась как нужно.

Воспоминания представляют большой интерес для этнографов, занимающихся изучением народной религиозной жизни, в ее советском и постсоветском виде. В них присутствуют все необходимые условия для работы с подлинным источником: автор хорошо знает о чем пишет, она сама все это пережила и сохранила. Автор дает оценку времени с позиции глубоко верующего человека, и поэтому эта оценка имеет свой ценностный ряд, свою мотивацию, она аутентична сознанию церковного человека, в ней голос Церкви звучит ясно и неискаженно. Последнее, кстати говоря, является важным аргументом в пользу того, что народное начало в лучших своих представителях и в эти советские и постсоветские годы продолжало идти нераздельным с Церковью путем, приобретать глубокие духовные знания, продолжать ту линию православно-церковного пути, которая сформировалась в самые первые десятилетия и столетия христианизации на Руси.

**О. В. Кириченко**

© 2020 В. А. Звонкова

## МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

*СНОВА ВСТРЕЧА С ОTCОМ МИХАИЛОМ ТРУХАНОВЫМ*

Хотя мы много лет лично не общались с отцом Михаилом, но у нас был общий знакомый Петр Иванович (с которым моя мама ездила в Патриархию по поводу защиты отца Михаила от клеветы) — он поддерживал постоянно связь с батюшкой, регулярно бывал на службах о. Михаила и нас всегда навещал. Он и рассказывал о моём состоянии батюшке.

С 1968 по 1974 год у меня духовников не было, и если я обращалась с какими-то вопросами к отцу Михаилу, это были разовые случаи и то через посредство Петра Ивановича.

В 1970 г., когда я работала главным бухгалтером, начались сильные искушения по поводу замужества, многие предлагали выйти замуж, и мое желание на это склонялось, мне был 31 год. То один кандидат, то другой, сомнения одолевают. В миру жить одной тяжело, а люди предлагают замужество очень хорошее, один из претендентов — мой начальник. Я почти готова была дать согласие.

И вот вижу в 5 часов утра сон: в комнату входит женщина, вся в черном, высокая, красивая. Подходит ко мне и тихо говорит: «Вот ты выйдешь замуж, у тебя будут дети, а тебе осталось жить 7 лет, ты скоро умрешь, и кому ты их оставишь?». И исчезла. На сей раз сразу мной было принято решение отложить замужество.

Проснулась, сообщила об этом видении о. Михаилу через Петра Ивановича. Батюшка дал мне послушание: прочитать всю Библию и причащаться каждый день в разных храмах. В это время я была в отпуске и Библию я прочла очень быстро, помню, в день читала по 8 часов, причащалась тоже часто. Мое самочувствие — и телесное, и духовное — улучшилось.

Прошли годы, и снова стало одолевать искушение... мир, заботы, суета, при этом не надо забывать, что храм для меня всегда оставался моей жизнью. Снова я оказалась на грани замужества. И снова Господь меня спасает.

Под утро, в ночь на 5-е июня 1972 г. (мне 33 года), мне был следующий сон: захожу я в комнату, мама говорит: «А у нас Гостя, подойди, возьми благословение». Прохожу вперед, на постели лежит красивая, улыбающаяся, в черной одежде, как монахиня, женщина, имя ей как будто Феодора. Такая, каких возят на колясках (откуда у меня такое сознание — не знаю, но с кем-то я её сравниваю). Благословила меня большим крестом, улы-

бается и говорит: «А тебе так недолго здесь быть, через неделю с тобой случится непредвиденное и неожиданное, ты попадешь в больницу, а оставит ли тебя Господь жить, Ему Одному известно». А сама улыбается.

На этом я проснулась и больше не засыпала, дело было на рассвете. Я не очень испугалась, но стала думать над тем, что со мной может случиться.

Утром с работы звоню о. Михаилу и говорю, что мне срочно нужно его видеть, так как мне осталось жить одну неделю. Встреча была назначена через два дня, что меня очень огорчило. В этот же день я неожиданно заболела, температура 38,5. На следующий день болезни меня навестил сам батюшка. Благословил прочитать четырех Евангелистов и на этой неделе причаститься Святых Христовых Таин. Указанное послушание было выполнено, и Господь открыл мне тайну сновидения.

Когда мне было 15–17 лет, у меня было большое желание уйти в монастырь, но по семейным обстоятельствам и другим причинам мне это исполнить не удалось. И тогда я просила Царицу Небесную, чтобы Она меня спасла «ими же веси судьбами», а в противном случае пусть лучше пошлет мне смерть.

Слава Богу, прошло 16–18 лет, я об этом давным-давно забыла и не вспоминала. Шли годы, текла жизнь. Встретила я человека, полюбили друг друга, несмотря на то что он имел жену и ребенка.

Много об этом писать не буду, достаточно того, что по церковным канонам такой брак невозможен. Однако же я упорно просила Господа, чтобы Он все-таки благословил, так как жизнь без него я считала невозможной.

И о чудо милости Божией! Я просила одно, а получила другое, и самое главное — я получила внутренний мир и душевное спокойствие, которого очень давно не было.

Прошли годы и снова искушение замужеством в 35 лет.

С января 1974 г. здоровье мое ухудшалось, появилась опухоль в правой груди, чувствовала боль во всем теле, ощущала молниеносный упадок сил. Заболевание проявлялось приступами: то вступало в ноги, и они слабели, то закладывало всю правую сторону головы, и я начинала глоснуть; затем стала ощущать умственную усталость, сердечную слабость, почувствовала, как болезнь расходится по всему телу, в руки и в ноги, стала болеть вся грудь, спина. Приближалась смерть. И это в 35 лет! Я стала постепенно готовиться, тем более что извещена была об этом ещё четыре года назад. Стала серьёзно думать о завершении своих земных дел. Особенно плохо было в Крещенский

сочельник, в Крещение. Говорить о болезни никому не хотелось, думала: будь как будет, где упаду, там отвезут в больницу. Невольно перебирала всю свою жизнь; что сделано, что еще не сделано. Грехов много, но я очень надеялась на милость Божию. Хотя я и очень грешная, но всегда чувствовала, что Господь меня не оставляет. Но у меня появился невыносимый стыд перед Господом за то, что я для Него или ради Него буквально ничего не сделала, что я большая эгоистка, совершенно не молилась за своих близких и родственников. Но что делать? Как молиться? С чего начинать? А я чувствую всей душой, что они смотрят и просят молитв. Так я и заснула. А до этого я рассказала отцу Михаилу о своем болезненном состоянии.

Вижу сон: просыпаюсь я как будто в 3–4 часа ночи на молитву, чувствую себя бодро, но еще лежу. Стоит, молится о. Михаил. Вдруг загремел гром на небе, поднялась буря, и прямо над головой громовым голосом, но очень приятным по тембру, по всему небосклону разнеслось: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Второй голос, подобный первому, ответил: «Слава Тебе, Сыне Мой, за спасение мира». И дальше голоса зазвучали антифоном три раза, произнося и другие слова молитвы, но остальных я не помню. Последней фразой было: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Кто говорил — я не знала.

От страха я упала с постели, и когда поднялась, спросила находящихся в комнате (в комнате был еще кто-то): «Вы слышали, что сейчас было?». Но никто кроме меня ничего не слышал. Я же слышала по молитвам духовного отца. Но я была очень удивлена — как можно было не слышать громовых раскатов и таких необычных голосов?

Проснувшись я совершенно здоровой. Понять ничего не могу. Голова светлая, сердце легкое, ни спина, ни грудь, ни ноги — ничего больше не болит. Временно или болезнь совсем оставила меня? Благодарю Бога и отца Михаила — болезнь моя ушла совсем.

Прошли годы, память не все сохранила из той поры. Но вот записка о. Михаила Труханова (как всегда, без даты): «Радость моя болезная! На душе за Вас тяжело... Сомнения о течении болезни меня смущают... Завтра утром буду молиться... Будьте здоровы во славу Божию! Целую. М. Т.» — подтверждение тому, что батюшка действительно молился тогда за меня.

Как я счастлива, что в течение стольких лет чьё-то Око с неба было со мной, и теперь, когда пришло время выбирать окончательно направление в жизни, я получила твердый и определенный ответ. Благодарю Тебя, Царица моя Небесная, за любовь ко мне, грешной.

### *Под руководством отца Михаила*

После этих событий у меня началась жизнь под руководством отца Михаила и события его жизни стали моими событиями. Выздоровев, я стала чаще навещать отца Михаила, печатала его работы, помогала по хозяйству матушке Вере Александровне. В первые годы моего знакомства с батюшкой я всегда очень волновалась и переживала, когда встречалась с ним. Чтобы не забыть, напишу список вопросов тридцать. Приду, посмотрю на батюшку, и мне становится стыдно, с какими мелочными вопросами я к нему пришла. Попью чай, поговорим, он спрашивает: «А какие вопросы-то у тебя есть?». Отвечаю: «Нет никаких». «Вот и хорошо», — скажет батюшка. А я на самом деле на все вопросы уже получила ответы.

В это время я служила в храме, он меня спросил насчет порядка проведения службы. Я прочла на память шестопсалмие, 3 и 6 часы, он был очень доволен.

### *Как я стала соседкой у батюшки*

Мне не один раз задавали вопрос, как я стала соседкой в квартире отца Михаила? По освобождении из лагеря отец Михаил приехал в Москву к Вере Александровне, с которой он познакомился еще до заключения: всё время до освобождения они переписывались. Был заключен брак, и таким образом батюшка, тогда еще мирянин, стал жителем Москвы, проживая по адресу Перуновский переулок дом три, квартира три. Дом был в аварийном состоянии, жильцов расселяли, с жильём было очень тяжело. И супруги согласились получить комнаты в разных местах. Надо учесть, что этот брак был формальным, как говорила Вера Александровна, поскольку после освобождения отцу Михаилу некуда было ехать, и она решила его прописать к себе.

Вера Александровна получила комнату по улице Короленко дом 4/14, квартира 54, что в Сокольниках, а отец Михаил получил ордер на комнату по улице Новослободской дом десять, квартира семь. В квартире, куда он должен был заселиться, проживало ещё два хозяина. Семья — муж, жена и девочка, а во второй 9-и метровой комнате жила пожилая женщина, которая ухаживала за их ребенком. Молодая семья не захотела пускать в квартиру нового жильца, рассчитывая завладеть этой комнатой, в те времена такой способ порой удавался. Въезжать туда пришлось с помощью работников ЖЭКа. И вот с апреля 1969 г. по февраль 1979 г., т. е. десять лет, отцу пришлось терпеть это нелегкое соседство и постоянно сталкиваться с попытками соседей его выселить. Трудно пришлось батюшке с ними; они творили ему



всякие неприятности: порой писали в милицию, что живет колдун и развращает их ребенка. Кухню они сделали своей столовой, обед на кухне приготовить было невозможно, все время слышались ругань и оскорбления. Гостей к нему просто не пускали. При этом, они считали себя культурными и интеллигентными людьми, но вели себя как настоящие дикари. И батюшка, в конце концов, вынужден был обратиться в милицию. Он написал заявление, считая, что в данном случае закон на его стороне и будет не лишним если распоясавшиеся люди будут вразумлены законом, поскольку ничего другого они не понимают<sup>1</sup>. Но тут произошла одна важная встреча, отодвинувшая на время житейские невзгоды.

С 1977 г. по ноябрь 1979 г. отец Михаил служил в Никольском храме г. Пушкино Московской области. 3 февраля 1979 г. в храме служили панихиду по новопреставленному протоиерею Иоанну. Почтить память покойного прибыл архимандрит Герман из села Шеметово Загорского района Московской области. Он поинтересовался у настоятеля: «А что за батюшка у вас новый, откуда он?». Отец настоятель говорит: «Это отец Михаил Труханов из Москвы». Подходит архимандрит Герман к отцу Михаилу и спрашивает: «Ты не Миша из Ташкента?». Тот отвечает: «Да». Радости от встречи не было конца...

С архимандритом Германом (Красильниковым) отец Михаил познакомился еще в 1930-е

годы в Ташкенте, тогда он был просто монах Герман, а в миру Андрей Михайлович Красильников. Уезжая в Москву для поступления в институт, Михаил оставил монаху Герману свою тетрадь со стихами, молитвами и выписками. Встретиться им удалось только теперь. Он вручил отцу Михаилу тетрадь и говорит: «Знаешь, сколько своих ценных вещей я растерял в жизни с разными переездами, а вот твою тетрадь хранил, как зеницу ока. На, возьми ее». Отец Михаил рассказал ему о своих трудностях с соседями, и отец Герман предложил отцу Михаилу пожить в его доме, находящемся в Семхозе, это одна остановка на электричке от Троице-Сергиевой лавры в сторону Москвы. Дом в то время пустовал, так как он сам служил и жил в Шеметове. Предложение отца Германа было с благодарностью принято, и вскоре мы переехали жить к о. Герману. Таким образом Господь дал батюшке отдых от соседей. 14 ноября 1979 г. отца Михаила отправили за штат, и поэтому, проживая у отца Германа, он мог более часто молиться у прп. Сергия в Лавре (автобус ходил от дома до Лавры). Также мы часто бывали на службе у о. Германа в Шеметове, что в 30 км от Лавры. Отец Герман был духовником Московской епархии, а сам попросил отца Михаила быть его духовником. Они стали друг другу исповедоваться. Жили мы там более 6 лет, вплоть до кончины отца Германа, которая последовала 1 октября 1985 года. После смерти о. Германа о. Михаил собрался домой:

<sup>1</sup> «Заявление Начальнику отделения милиции от гр. Труханова М. В. (ул. Новослободская 10–7)

Простите за беспокойство, но я вынужден обратиться к вам за советом и помощью. Мне 55 лет: инженер, кандидат наук, священник. Был в лагерях свыше 15 лет. Имею полную реабилитацию. С 1956 года вновь живу в Москве. — Поверьте, мне известны действующие в Государстве законы, а равно и права граждан СССР. Примерно в апреле 1969 года я занял освободившуюся комнату на ул. Новослободская д.10. кв.7. Переезд был скандальный. Дело в том, что именно на эту комнату претендовали жильцы кв.7: В. А. Булкин и его жена — Г. А. Кузнецова. Отец Булкина (посторонний человек в квартире) буквально выталкивал меня из квартиры при свидетелях. А сын его — В. А. Булкин, жилец квартиры, говорил о «применении силы согласно весовой категории»... Приходили из ЖЭКа и ... все-таки меня вселили. Тогда Булкин, его жена — Кузнецова и их прислуга — Масленкова (ухаживающая за их дочкой жиличка) решили говорить о «травмирующем влиянии» моего внешнего вида (священник!). Писали в редакции каких-то газет, в Райисполком... Меня вызывали и, по видимому, их одернули, т. к. они притихли, но, как оказалось, временно. Теперь, узнав о моем прошлом (а я и не скрываю свое пребывание в ИТЛ), они цепляются за клевету и огульные обвинения (в чем-то) и бьют тревогу «бдительности» о священнике Русской Православной Церкви... В результате — впервые за 15 лет после освобождения — меня вызывают к Инспектору Уголовных Дел и допрашивают по протоколу, как подозрительного... А ларчик открывается просто. Булкины поставили целью отнюдь не законным путем захватить комнату, в которой ныне проживаю я. Выжить меня отсюда, во что бы ни стало... Мне это, по пережитому разгулу бериевщины, напоминает ситуации, при которых, как Вам известно, полагаю, достаточно было огульного доноса о «подозрительности», чтобы «подозрительного» забрать, а его квартиру — «законно» освоить доносчику...

По роду службы я иногда неделями безвыходно просиживаю дома, иногда неделями отсутствую. В мою комнату проведен отдельный звонок от входной двери. У меня никогда не бывает ни шума, ни песней, ни ругани, ни пьянки. Сам я не пью и не имею даже громкоговорителя. У меня бывают приятели, сверстники, профессора, врачи, академики... И, разумеется, никаких законов я не нарушаю, но я знаю и свои права... Сами доносчики, наверное, умалчивают о том, что они устраивают сходки человек по 15 — выпивают и орут до и после 12 часов ночи... — Тем более, что я-то ведь не жалуюсь на них, всякое бывает: день рождения, день Ангела!.. Лично я против них ничего не имею. Хотя они обнагтели в использовании кухни общей под свою частную столовую, баню и прачечную... Но, к сожалению, нет писанных законов, ограничивающих проявление хамства и наглости со стороны, по крайней мере, лжецов и клеветников; и разве можно предсказать, какой донос еще они состряпают или какую подлость устроят, — чтобы добиться своего, чтоб комнату освоить не свою. Мне довелось многое пережить... Клеветники, доносчики ведь начинают с огульных обвинений, а доходят и до отравления... Если это произойдет — не ищите виновных вне квартиры... Убедительно прошу Вас — посоветуйте, что мне предпринять: обратиться ли в Прокуратуру или просто в какой-то отдел по охране элементарных прав человека? М. Труханов».

«Отца Германа нет, уезжаем в Москву». Мне с матушкой Верочкой очень не хотелось уезжать, там нам было очень хорошо. Но слово батюшки — закон, и мы вернулись в Москву. Так мы распрощались с Семхозом, а за это время у нас в квартире кое-что изменилось; где-то в 1983–1984 гг. соседка — пожилая женщина — умерла, молодая семья выехала, не знаем куда, и у батюшки в квартире появились новые соседи.

В 1972 году (18 февраля) Вера Александровна после обмена своей площади из Сокольников переехала на ул. Новослободская (дом 14/19, квартира 11), с четырьмя соседями. Съехаться Вере Александровне с о. Михаилом никак не удавалось. Все попытки обмена были безрезультатны, на квартиру с четырьмя соседями претендентов не находилось. Тогда я упростила свою маму отдать свою однокомнатную квартиру соседям отца Михаила, на что она согласилась. В результате, мама стала жить в моей комнате с соседями по адресу: Боткинский проезд дом 6 квартира 100. Таким образом, мы с матушкой Верой и стали жить в комнатах рядом с батюшкой. Где-то в 1994 году, когда появилась возможность покупать и продавать квартиры, соседи Веры Александровны разменяли общую квартиру. И она получила однокомнатную квартиру, в которой последние годы доживала моя мама.

5 июня 1994 года батюшка ушёл в храм, а матушка Верочка, выходя из квартиры, зацепилась ногой за коврик, упала и пролетела по всем ступенькам вниз, ударилась о трубу и сломала себе грудину. На крик вышли соседи, подняли ее, сходили за батюшкой в храм. С этого момента матушка поселяется в комнате отца Михаила: так как состояние её было тяжёлое, приходило много врачей, и в его комнате было удобнее их принимать. Комната батюшки была настолько тесна, что для ночлега невозможно было ещё что-то поставить. И для Верочки устроили постель на стульях, с которых она потом уже не захотела уходить. Так и осталась спать на стульях, о которых всегда много было разговора, хотя я ей неоднократно говорила, чтобы она по-прежнему спала на кровати в моей комнате, как и было положено, но она отказалась, предпочитая спать на стульях.

#### *Общение среди своих*

Вторые сорок лет жизни батюшки были почти целиком наполнены чудесным служением Богу, Церкви, людям. Отсюда — его всегдашняя жизнь на подъёме, неизменная радость при встрече с новым человеком, даже с новым именем усопшего, которого он после вписания в синодик начинал поминать в числе тысяч других имен.

За долгие годы общения с отцом Михаилом я не переставала удивляться его какой-то необыкновенной любви к людям. В каждом человеке он видел Самого Христа. Если мы когда-либо назначали встречи с людьми, то он приходил всегда на 20–30 минут раньше, а когда я ему говорила: «Батюшка, не торопись, мы и так рано едем», он отвечал: «Мы едем на встречу с Самим Христом, как же можно опоздать?». Даже дома в ожидании гостя он был требователен к себе. Скажем, человек, собирающийся к нему прийти, предупреждает: «Батюшка, я буду у вас в час дня». Батюшка за 15–20 минут до назначенного времени выходит в коридор, садится на скамеечку и ждет его. Но, как правило, вовремя очень редко кто приходил, всё дела, да случаи: то на работе задержали, то пробки в Москве, а батюшка сидит в коридоре и терпеливо ждет. Иногда, бывало, просидит, бедненький, в ожидании более двух часов. Придёт опоздавший, начну делать ему внушение. А батюшка тут же становится на защиту гостя: «Валентина, ну не ругайся, не ругайся, так уж получилось, а я зато помолился».

Не было ни одного дня, чтобы у нас не было гостей, от двух до восьми человек ежедневно, а в праздничные и воскресные дни — от десяти до пятнадцати. Духовные чада — от малых детей до генералов — ехали со всех сторон: из Туркестана (там окончила свои дни мама батюшки), из Просека (120 км от Нижнего Новгорода), — там его духовный сын отец Владимир. Можно перечислить много духовных чад отца Михаила из разных городов, где знают, любят и молятся за батюшку.

Проблемы, с которыми обращались люди, невольно заставили его заняться написанием книг, в которых он постарался ответить на вопросы, поставленные перед ним. Когда в последние дни жизни ему задавали вопросы, он отвечал: «Читайте мои книги, я там на всё ответил». А вопросы были от людей различных слоев общества: историков, художников, врачей, военных, молодых и пожилых людей. А скольким людям он помог молитвою и советами!

Сам отец Михаил в гости ни разу ни к кому не ходил, разве только по делу — кого-то причастить или соборовать.

Он никогда никого не осуждал. Соберемся мы, решаем какие-то вопросы, имея разные мнения, спорим, доказывая друг другу свою позицию, а он сидит и молчит. Тогда обращаемся к нему: «Отец, ну скажи же свое слово, что же ты всё молчишь?». А он тихо, спокойно скажет: «Да ведь Господь всем хочет спасения, и ему тоже (если мы возмущаемся какой-то личностью), и ждет покаяния...». Нам становится стыдно, и мы замолкаем.

Он говорил: «Я не представляю себе порядочного человека, чтобы он не знал Библию. Сто лет назад каждый интеллигентный человек должен был знать Библию, а 32-ю главу “Второзакония” — наизусть. Была негласная аттестация человека, знаешь главу 32, ты — человек, а если нет, то ты ничто». «Когда я выучил наизусть 32-ю главу, почувствовал себя интеллигентом, как сто лет назад, — говорил отец Михаил. — Со временем, по старости я стал, конечно, забывать, но всё же близко к тексту я её знаю и теперь, это вторая песнь Великого Канона, песнь Моисея: “Вонми небо и возглаголю”».

У батюшки хранилось огромное количество выписок из прочтенных им книг разного содержания. Читал он все с карандашом в руках, т.е., как он говорил: «Если я прочитал какую книгу, я ее обязательно законспектирую. И второй раз мне не надо ее читать: что мне нужно взять из нее, у меня все есть».

Сам он был точным и исполнительным во всем, того же требовал и от нас. Перед служением приходил часа за два до начала службы, не меньше. Вот, например, в храме Святителя Николая в Пушкино служба начиналась в 8 часов утра. Отец в 6 часов утра был уже на месте, сторож или алтарница открывали храм и закрывали его там одного до начала богослужения. Так было во всех храмах, где он служил.

Я трудилась при храме и однажды опаздывала на службу, он вышел в коридор, и мне тут же досталось: «Как ты можешь опаздывать? Ты знаешь, куда ты идешь? Ты ведь идешь в храм Божий на службу, как ты можешь опаздывать?». Я бежала, перепрыгивая через ступеньки, и так всю дорогу. Здесь он был ревностен и строг. Благословляя на все дела и в дорогу, давал одно постоянное наставление: «Молись».

#### *Молитвенные правила*

Выйдя на покой, отец Михаил неустанно трудился. Он всегда мечтал о том времени, когда можно будет молиться, чтобы постоянно были раскрыты богослужебные книги и суточный круг вычитывался полностью. Батюшка не мог жить без служения, и с этим вопросом он обратился к митрополиту Мануилу (Лемешевскому). Владыка Мануил благословил отца Михаила на домашнее служение.

В храме Святителя Николая, селе Пушкино Московской области, среди других духовных чад были главврач санатория «Подлипки» (станция Строитель) Костышева Мария Николаевна и Александра Александровна — физик. Однажды приходит Александра Александровна к батюшке

и говорит: «Батюшка, у меня есть знакомая, которая очень хочет вас видеть по секретному делу». Батюшка велел ей приехать. Приехала очень пожилая женщина, имени ее я сейчас не помню, и говорит отцу Михаилу: «Батюшка, хранится у меня антиминс. Когда при закрытии храма мне его передавали на хранение, то сказали: “Отдашь его священнику, который будет служить дома и который будет молиться, тебе это будет открыто”. И вот я уже совсем старая, и думаю, что же делать с антиминсом? И вдруг мне говорят, что есть один священник, уж очень хороший, и служит дома. (Хотя никто не знал об этой тайне, про антиминс.) Тогда я поняла, что пришло то время, когда мне надо передать его священнику. Вот, батюшка, вручаю его вам, молитесь». Батюшка оправдал доверие тех, чьи предсказания выполнила эта женщина. Батюшка действительно молился. Горю любовью к Богу, он просто не мог жить без служения, без частого соединения со Христом в Таинстве Евхаристии. А в общественном служении он часто имел запрет от уполномоченного по делам религии.

Все правила старался вычитывать сам. Когда доходило время до пения «Честнейшую Херувим», то он вдруг как крикнет: «И Славнейшую без сравнения Серафим», нас собьет, а потом извиняется: «Вы уж меня простите, не в тон с вами пел», он особенно любил Матерь Божию, поэтому он не мог равнодушно молиться и читать. Если читал канон, так, будьте уверены, святые, которым он читал канон, определенно его слышали, и он говорил: «И, если случается, что мне почему-либо не приходится читать канон самому, я всегда чувствую некоторую неловкость, пристыженность и переживаю угрызения совести и виновность пред чествуемым «минейным» святым или праздничным событием. Впрочем, кажется, иначе и быть не может, ведь в каноне яснее всего выражается особенность наступившего праздника, которая только через год возможна для повторного сопереживания».

Подъем его ежедневно начинался в 5 утра с молитвенного правила, а если было время поста, он утром вычитывал всю Псалтирь. А читал он так, что по коже мороз пробегает, и ты словно уходишь в те далекие благословенные времена, когда жил пророк Давид, и вместе с ним прославляешь Бога в псалмах. Произнося хвалебные псалмы, он вдохновенно кричал, жестикулируя руками. А там, где «Богоотец убо Давид пред сенным ковчегом скакаше, играя» (4-я песнь Пасхального канона), — отец тоже чуть не скакал от радости. Если бы он не был дома один, можно было бы подумать, что он юродствует. Если он читает Евангелие, то будьте уверены, вы услышите в разных лицах: где сказал Спаситель, как говорили фарисеи, как

спрашивали Его Апостолы, — полное сопереживание происшедшим событиям. И чувствуешь, что ты не здесь, а там, в Иерусалиме, и ходишь вместе с апостолами за Спасителем.

Но батюшка, если оставался дома один, то молился так же. Хвалиться ему было не перед кем, он просто весь был полон любви к Спасителю. Евангелие он постоянно целовал, клал (конечно, маленького формата) себе под подушку и так спал. Он всегда говорил: «Это риза Христа Спасителя, за которую надо держаться и целовать ее». Но бывало, что на правиле иногда присутствовали и другие лица, тогда батюшка был более сдержан.

Последние годы батюшка служил ежедневно дома. В 5 часов утра Литургия, после чего я ухожу в храм, а батюшка пишет свои труды, принимает гостей, вынимает тысячи частиц, затем с матушкой Верой вычитывают службу на следующий день. А было и так; прихожу я домой после вечерней службы, уставшая, и думаю, что сейчас лягу отдохнуть, а отец говорит: «У нас целый день люди, мы еще ничего не вычитали, начинай». И даёт возглас. Иногда от усталости начинаю и роптать.

Новый год проходит обычно следующим порядком: до вечера все занимались своими делами: кто вычитывал правило, кто готовил обед, батюшка вынимал частицы из просфор. А в 22 часа садились в кружок и по очереди читали по главе из книги Апокалипсис примерно до часа ночи. По окончании чтения с благословения батюшки ложились спать, а в 5 утра, как обычно, Литургия.

Интересны заметки батюшки о посещении им Патриаршего богослужения: *«Я впервые присутствовал за Великим Повечерием в Богоявленском Соборе. Служил сам Патриарх Алексий I. Факт многозначительный, особенно для тех, кто представляет себе Патриарха всегда только в пышном высокотожественном богослужении. Представьте: скудный свет от лампад и свечей, скромный (без светильников) выход Патриарха на кафедру, один подсвечник-светильник на кафедре у аналоя и лишь одна восковая свеча, освещающая Триодь Постную, по которой внятно и чистым голосом Святейший сам читает Великий Канон. Хор вполголоса исполняет ирмосы и запевы... Песни V–VIII включительно читает Архиепископ Леонид; а затем IX песнь вновь читается Святейшим. Он же, по окончании Канона, читает три псалма до славы (из Повечерия) и, передав продолжение чтения Архиепископу Леониду, удаляется в алтарь.*

*Из дидактических соображений надо бы обязать все “свободное” столичное духовен-*

*ство присутствовать за таким Патриаршим богослужением. Скромность обстановки и смиренное чтение Псалтири Самим Первосвятителем Православной Руси — наглядное поучение для многих священнослужителей, оторвавшихся от святой простоты умирительного христианского богослужения»...*

*«Повсеместно принято в наших храмах — канон читает один “служащий” священник. И — только Великий Канон. А чтобы священник снизошел до чтения Псалтири — не встречал такого, не бывает! Когда дело идет о чтении Псалтири (часов, кафизм...), голос священника можно распознать по словам: “скорей”, “пропустить”, “сократить” и — только, к сожалению...*

*Поэтому в наше время, скудное хорошими примерами, надо бы как-то обратить внимание на Патриаршее богослужение, подобное сегодняшнему. Ибо хороший пример, ставший известным, так или иначе будет (голосом совети!) обязывать к подражанию. Помнится, я как-то в детстве прочел о том, что о. Иоанн Сергиев (Кронштадтский) за всеобщими бдениями в Андреевском соборе каноны всегда читал сам. Ставши священником, я решил подражать приснопамятному о. Иоанну».*

## ДАНИЯ

*Апрель–июнь 1991 г.*

Во время моей работы в храме на Ваганькове была прихожанка Маргарита Михайловна, её дочь Мария жила в Дании. В их храме Александра Невского регент должна была уйти в декретный отпуск — четвертый ребенок. Они думали, что она будет сидеть дома с детьми, поэтому решили меня пригласить. Вызов оформили пока на 3 месяца, с последующим продлением на месте. Приглашение оформляла староста храма Татьяна Сергеевна. Таким образом я оказалась в Дании.

Регент — русская из беженцев, замужем за негром. Работу там найти практически невозможно. И поэтому, на удивление всем, она не стала сидеть в декретном отпуске, а со всеми детьми — кто на руках, кто в коляске — приходила и проводила службы.

В результате для клироса я там оказалась ненужной. У Марии дети: старший Николай, дочь Маргарита и младший Андрей. Тогда я стала с ними заниматься дома. Николая учила читать на славянском языке, а Маргариту — петь. Она имела музыкальное образование. Нот не было, да я их и не знаю. Я напевала ей все песнопения на слух, а она записывала: тропари, ирмосы, стихиры, прокимны.





Справа – я, рядом Маргарита Михайловна, мама Марии, между нами – Мария, слева её дети: Андрей, Маргарита и Николай. 1991 г.

Когда я вернулась домой в Москву, Мария через маму передала мне, что теперь Николай читает Апостол на славянском и датском языках, а Маргарита стала петь на клиросе при богослужении, чему я была бесконечно рада.

Храм Александра Невского встроен в обычное здание, издали не видно, что это храм. Кроме него, в Дании нет больше православных храмов, нет и монастырей. Прихожан 6–10 человек, все русские, да и эти приходят к концу службы для общения и чаепития, а не для молитвы или служения Богу. На всенощной под Вознесение было два человека. На Литургии задостойник читали. На Троицу молитвы сокращались. Не было службы ни на Родительскую под Троицу, ни на отдание Пасхи, ни на святителя Николая. Служил священник, перешедший из иезуитов-католиков, американец, отношение у него к русским верующим, как к большевикам. К службе он так же относился без тепла, поэтому и людей в храме не было. Они всё время мечтали о том, чтобы поменять священника. Обращались неоднократно к владыке, но подходящего найти не могли. Узнав от меня, что отец Михаил не служит, они стали просить, чтобы отец Михаил дал согласие и приехал к ним для служения. Обещали сделать вызов отцу Михаилу, Верочке и моей маме. Квартира при храме боль-

шая, мы все там разместились бы. Меня просили остаться при храме. Практически у них нет верующих, которые бы смотрели за храмом. Татьяне Сергеевне около 80-ти, Мария – семейная, и больше-то людей я там не видела, кроме проходящих на чаепитие. По этому вопросу отец Михаил молился, Божьего благословения на служение там не получил, но зато Верочка писала в письмах: «Валечка, будем есть вместе последний кусок хлеба, только возвращаясь домой». Девяностые годы в России были очень тяжелые, магазины пустые.

Когда меня встретила в аэропорту Маша и мы с ней зашли в датский магазин, мне показалось, что я в музее. В настоящее время всё, что я видела в Дании, имеется и у нас. Но в то время в заграничном изобилии было что-то сказочное для меня. И были дни, когда мне было так тяжело там находиться, что хотелось побыстрее вернуться в свою грязную, голодную Россию.

Невольно вспоминалась Родина, бабушки в платочках, разрушенные храмы, но это – бывшая Святая Русь, и как она мила сердцу, а вдали от Родины ощущаешь себя, как в пустыне.

По окончании срока приглашения я вернулась домой. Напишу о своих впечатлениях о Дании. Первые впечатления сохранились в письме, отправленном домой моим родным.

«Христос Воскресе!

Благословите, дорогой батюшка!

Постараюсь с момента прощания с вами всё вспомнить. Как оказалось, хорошо, что я полетела самолётом, иначе, если бы поехала поездом, вернулась бы домой, т.к. требуются дополнительные визы Германии, и без них возвращают назад.

Проверка на выезд прошла благополучно, больше нигде ничего не проверяли. Вылетели из Москвы в 8.15, а в 11.00 объявили о том, что самолёт идёт на посадку. Самолёт летел полупустой. Почти 15 минут летели низко над землёй, долго летели над морем. Иногда казалось, что крылья заденут воду, и, по-честному, было не по себе. Ну вот, слава Богу, земля! Выходя с аэровокзала, снова заполняла документы. Пошла получать чемодан. Жду, вдруг сзади подходит Машенька. Она меня уже заждалась, но встретила знакомого, который летел вместе со мной и сказал ей, что все давно ушли. Поэтому она попросила разрешения пройти на вокзал, хотя туда не пускают.

Она была с маленьким сыном Андрюшей, на своей машине. Встретила меня с цветами. В Копенгагене холодно, почти заморозки. Город красивый, чистый, дома в основном из красного кирпича, 5-этажные. Маша живет в десяти км от города.

По дороге домой мы зашли в один магазин в центре города. Первое впечатление, что это –

ботанический сад или музей, или что-то такое, на что можно только смотреть. Первое, что тебя встречает, это изобилие разнообразных цветов. Я и не знала, что сказать, и спрашиваю Машу: «Это что, выставка?». Она говорит: «Нет». Потом, совершенно пораженная, спрашиваю: «Что, это действительно натуральное всё или это так хорошо сделано?». Она рассмеялась и говорит: «Валя, да потрогай же — это всё натуральное, и всё это можно купить. Что ты хочешь? Я тебе куплю». Коротко перечислю, что там было из овощей и фруктов: бананы грамм по 200; баклажаны — такие у нас мы просто видеть не могли; арбузы, дыни, виноград — в два раза крупнее, чем у нас. Картошка — по 0,5 кг каждая, помидоры, огурцы и т.д. такого высокого качества, что не стоит и говорить. Сначала я подумала, что виноград изысканно сделан, а оказалось, что он тоже натуральный — красивый, крупный, отборный. Машенька мне купила 5 бананов и 2 баклажана очень крупных, но мне пока с ними заниматься некогда. Что касается других продуктов, молочных, рыбных, мясных, всё в таком же изобилии и такого же отменного качества.

После небольших покупок мы отправились домой. Наконец мы дома. Веранда вся в цветах. У каждого из детей по комнатке, зал, кухня и спальня родителей. Не успели мы приготовить завтрак, как приехала Татьяна Сергеевна — староста, почтенная дама. Чай-кофе пили вместе, она была искренне доброжелательна, но я им сказала, что Маргарита Михайловна переоценила мои способности. Я никакого музыкального образования не имею и хором управлять не могу. На что они мне ответили: «ну мы посмотрим». Затем они попросили меня что-нибудь спеть. Перед обедом я спела «Христос Воскресе». Им понравился тембр моего голоса.

Время около часа дня, а к двум они торопились на собрание. Это было первое собрание по инициативе Татьяны Сергеевны, где собрались русские эмигранты, приглашена была и я. Здесь она меня познакомила со многими русскими, в основном это журналисты и писатели. На собрании люди рассказывали о себе, и в большинстве случаев это было выражено в стихах. Можете себе представить, как трудно было всё слушать без слёз — ведь от счастья никто не бежит.

В частности, я там узнала довольно-таки много. Что у них есть лагеря для беженцев, в которых находится много наших русских. Обо всех я не могу говорить, но о тех, кого я здесь встретила: живут в них более 6-ти месяцев и с ужасом думают, что им не дадут разрешения там остаться. И всё это в основном молодёжь, например: мальчик 19 лет — прекрасно играет на флейте; молодые девушки, которые надеются здесь выйти замуж —

это самый надежный выход, они говорят, что и родители пишут им из Москвы и советуют любыми судьбами здесь оставаться.

Без десяти минут пять мы собрались уходить ко всенощной, а собрание продолжалось. С нами поехали еще две новые знакомые. По пути нас пригласили на чай. Квартира — русская: много икон, русских картин, а самое главное, это прекрасные русские люди, но уже давно переселившиеся в Данию. Чай мы попили и, конечно, опоздали на службу. В храм мы приехали в 18-00, служба уже была окончена. Стояли 2 исповедника, дождавшись окончания, мы подошли под благословение. Священник, иеромонах Андрей, уже знал, что Т. С. встречает гостью из Москвы. Она попросила благословения, чтобы я завтра утром на Литургии встала на клирос, на что батюшка милостиво дал благословение.

Храм святого благоверного великого князя Александра Невского — это не отдельно стоящее здание, он находится на втором этаже одного из домов, в ряд стоящих, оканчивается куполом и крестом. Чтобы пройти крестным ходом, нужно обойти несколько домов.



Церковь св. благ. кн. Александра Невского  
в Копенгагене

На первом этаже картины: одна — посвящённая 1000-ю Крещения Руси, а вторая — истории храма. Поднимаешься по мраморной лестнице по коврам на второй этаж. Иконостас храма пример-

но такой же, как в храме Воскресения Христова в Сокольниках. Резной, коричневый, но высокий. Храм был построен по желанию императрицы Марии Федоровны. Когда-то его хотели отобрать «наши». Было три суда, на двух было решено отдать, а на третьем нашёлся хороший юрист и сказал: «Правда, что храм выстроили Русские цари, на русские деньги, но только не для большевиков, а для верующих», и это решило дело. Храм оставили для русских православных, живущих за рубежом.

Из храма мы снова вернулись на собрание. На другой день должно было быть собрание приходского совета всех верующих. Нужно было убрать помещение, расставить стулья. После этого снова отправились в гости. Т. С. повезла меня к своей подопечной Анне, ей 90 лет, по пути заехали в магазин и купили всё необходимое на ужин (вот здесь-то нам сразу пожарили пирожки). Время уже десять вечера. Оттуда мы поехали еще в гости за пасхой, которую Т. С. заказала к моему приезду. Домой к Татьяне Сергеевне мы добрались около 12-ти часов ночи. Она живет в центре города, в доме без лифта, на четвертом этаже. Только мы вошли в квартиру, звонок. Звонит священник — к Т. С. приехал гость из Москвы, за которым она снова должна ехать в храм. Николай — художник из Донского монастыря.

Квартира Т. С. из трех комнат: две смежные и её маленькая спальня. Она была настолько любезна, что больше не взяла меня в дальнейшее путешествие, хотя я предложила свои услуги ее сопровождать. Она меня пожалела, т. к. я очень устала. Постелила мне постель (хотя постельные принадлежности мне с собой дала Машенька) и разрешила ложиться спать, а сама, хоть и еле ходила, пошатываясь, поехала за гостем. А ей ведь 70 с лишним!

По её уходе я прочла вечерние молитвы (да у них время на 1 час разница). Побывала со всеми вами. Пережитое за этот день было настолько велико, разнообразно, противоречиво, что закончилось всё это великим рыданием о вас, о себе и о тех людях, которые здесь. Второго такого дня в своей жизни я не помню.

Могу только сказать, что наш дом вместе с вами — это духовный рай.

Сколько слёз и рыданий кругом — трудно передать. Так закончился мой первый день в Дании.

Как уснула, я не помню, только где-то сквозь сон слышу разговор — вернулась Т. С. с Николаем.

*Татьяна Сергеевна*

Татьяна Сергеевна имеет здесь большой вес. Сама она родилась в Дании, а её родители из Рос-

сии бежали в 1917–1918 г. вместе с императрицей Марией Федоровной. Она всегда говорила: «Я русская. Если корова родится в свинарнике, разве она будет поросенком? Так и я». Так она всегда считала себя русской. Она и её родные — это те русские, которые составляют здесь русское представительство и объединяют вокруг себя православие. В основном её трудами и держится здесь Русская Православная Церковь. Она в преклонном возрасте, одинока и нуждается буквально в физической помощи.

По милости Божией и вашим молитвами, она меня очень полюбила и желает, чтобы я была ей помощницей во всех делах её. Когда она меня знакомила с русскими, как мне потом сказала, специально ездила по гостям, везде и всем говорила, что я её хорошая подруга и что навсегда останусь в Дании.

Эта неделя у меня была перенасыщена поездками, т. к. Т. С. берёт меня всюду с собою, и мне это интересно. Но мне нужно определяться, что делать. Она мне предлагает здесь оставаться любыми судьбами, вплоть до замужества: у неё есть два больных человека, которые нуждаются в уходе, как она говорит, это самый наилучший способ быстро и без проблем получить датское подданство. Другой вариант — это просить для церкви, но можно только на 3 года, а дальше опять проблемы и лагерь беженцев.

Т. С. мечтает послать меня изучать датский язык, т. к. я человек церковный, то буду здесь совершенно необходима. Молодёжи здесь много, а настоящих церковных людей совсем нет, даже и о. Андрей не радеет о храме. И очень жаль эту молодёжь: она обращается к о. Андрею с просьбой объяснить богослужение и с другими вопросами, а он никак не реагирует. Видимо, он плохо говорит по-русски. Молодёжи русской здесь сейчас много, и все идут в церковь, она всех объединяет.

Далее Т. С. мне говорит: «Вызывай сюда своих близких людей, даже не дожидаясь того времени, когда ты сама сможешь это сделать. Сделаю я». А остальным моим родным будет высылать посылки, у неё есть такие возможности. Для брата Станислава обещала купить машину, если я здесь останусь».

Перечитываю теперь мои письма батюшке и матушке из Дании и вспоминаю мою жизнь там... Привожу отрывки из них.

«После той красоты во всех отношениях, которую я здесь увидела, у меня пропало желание куда-либо путешествовать, та милость Божия, которая меня сейчас здесь покрывает, не позволяет желать большего. Нахожусь на полном обеспечении Т. С.



Если бы вы решились сюда приехать с мамой, то вопрос был бы решён однозначно. Вы посмотрели бы на ту жизнь, о которой вы не имеете представления. Мне трудно вам передать, как живут здесь люди — свободно, радостно, в основном все верующие, но только по-своему: католики, протестанты и другие».

А это мой ответ на письмо батюшки: «Батюшка, Вы, конечно, правы, первые впечатления, встречи, восторги не дают возможности правильно сориентироваться. Нужно время осмотреться, всё взвесить, и тогда что-то решать».

Пишу им дальше: «Правда, Т. С. не желает слышать о том, что я покину Данию. Да, меня одну прокормить и содержать — это одно дело (да к тому же я ей очень нужна), а четырех человек — это совсем другое дело. Т. С. сказала, что для меня она сделает всё, что я попрошу, но это только дело времени и такта. Нужно терпеливо выждать. Как я понимаю, Т. С. больше всего заинтересована в том, чтобы я была с ней, т. к. она очень занята, помимо обязанностей старосты, она помогает русским, оформляет им приглашения, помогает устраиваться; одной старушке прислали ошибочно налог на 3000 крон, она помогла разобраться. Все заботы о крупе, о банках с рыбой и прочих запасах здесь не нужны. Раздеты вы не будете. Относительно книг нужно как следует подумать. Свое дело (писать книги) можете делать здесь без проблем. Т. С. и прихожане неоднократно обращались к владыке с просьбой поменять им священника, ответ один: не могут для них найти достойного священника. Наш батюшка будет здесь как неоценимый клад. Только мне надо знать, как себя вести, я думаю, много я могу сделать здесь по вашим молитвам, и если на то будет воля Божия. Вы спокойно сможете служить и проповедовать. Жду от вас обстоятельного письма — что мне делать? Что за искушение выпало на мою бедную голову? Откуда оно? Как сейчас дела в России и у вас, что вы мне скажете? Нужно возвращаться домой или же нужно оставаться здесь и вас постепенно вытаскивать из плена Вавилонского? Здесь жизнь, а там, у нас в России, что-то непонятное».

В это время отец Михаил не служил, его отравили за штат, но для священника не служить — это тяжелое испытание, он так любил служить, проповедовать и всего этого был лишён. Когда предоставлялась возможность служить и только требовалось его согласие (Т. С. при её возможностях всё бы устроила), батюшка колебался, соблазн был великий. Сейчас не сохранились его письма, в которых он писал, что не знает воли Божией, а предпринимать такой шаг самостоятельно он не может. Прошло какое-то время, батюшка

особо молился и пишет: нет воли Божией ему туда ехать. А мой-то вопрос остается открытым.

«Дорогой батюшка, только умоляю, не пишите мне такого ответа: как сама хочешь. Я сама ничего не хочу, я хочу исполнить волю Божию, а её я хочу получить через Ваше благословение, как благословите, так и буду поступать, скажете: возвращайся домой, всё брошу и приеду».

### *Отец Андрей*

Как мне теперь известно, приходскому совету он не нравился. Он не любил русских и не радел о церкви. Как рассказали о нём, он влюбился в еврейку, а отец её — раввин, и тот запретил ей выходить за него замуж. Он пошел в католические монахи, а затем перешёл в православие. Вот такое у него православие. А каков поп, таков и приход, т. е. прихожан совсем нет. Но как мне становится больше известно, на Западе почти нет ревностных священников. (Когда в гостях в Москве у отца Михаила был приехавший из США сын знаменитого генерала П. Врангеля, Петр Петрович Врангель, он сказал: «В Америке я знаю, наверное, всех священников. Но ни одного из них нет хотя бы близкого по светлости и горению к о. Михаилу».)

Мне Маша рассказала одну интересную историю. До отца Андрея у них был другой священник, но он тоже их не устраивал как духовный пастырь. И вот его переводят на другой приход. Наступает Великий Пост, и Маша решила поехать во Францию в женский монастырь, там помолиться, исповедоваться, отдохнуть душой. И какой был для неё ужас: она приезжает, а там служит священник с их прихода.

Книгами богослужебными храм обеспечен, и в случае надобности их заказывают в Германии или в Америке.

Службы здесь на церковнославянском языке. Всенощная под праздники совершается коротко, т. е., проще сказать, одна вечерня. Утрени не бывает. Была заказана Обедня на великомученика Георгия Победоносца по случаю именин покойного мужа Т. С. и панихида. Панихида краткая: три раза Х.В., «Со духи праведных...», «Во блаженном успении...» и конец. Во время Литургии и панихиды поминалось одно имя — за кого заказана Обедня. Ни одного имени ни за здоровье, ни за упокой ни на одной Литургии батюшка не поминает. Треб за три месяца было: одно венчание, одни крестины и ещё панихида, где поминалось одно имя, ни одного молебна — ни праздничного, ни заказного — не было.

Нас, русских, считает большевиками и сторонится. А сам — монах (прости меня, Господи!), не стеснялся людей, ест мясо и курит там, где все



прихожане собираются на чаепитие.

Духовное состояние людей здесь бедственное, и положение церкви очень сложное. Трудно найти русского православного священника, чтобы знал датский язык, чтобы болел душой за людей и церковь. Сюда должен приехать владыка, который недоволен положением дел здесь в церкви. Отцом Андреем все недовольны, и, кажется, он сам это понимает и собирается уходить, но что дальше?

Теперь кратко о тех деньгах, которые я имею, они здесь просто ничего не значат. Здесь исчисления таковы:

З/плата сотрудницы, которая помогает Т. С. раз в неделю – 12000 крон.

Пенсия – 5000 крон.

З/плата священника – 4000 крон.

И что мои 1286 крон? Только на конверты и разговоры.

#### *Маша и её семья*

Жила я то у Марии, то у Татьяны Сергеевны, старосты храма.

Маша замужем за датчанином, имеет троих детей, верующая, одна из тех, кто принимает активное участие в содержании храма, также много помогала мне во время пребывания в Дании. С её детьми я занималась церковнославянским языком, изучением гласов, Церковным уставом. Силами эмигрантов и содержится там храм, видимо, и Марию недаром туда Господь послал: я знаю, большие вклады она делает на содержание храма.

В доме у Маши порядок: сын занимается уборкой дома, дочь готовит, моет посуду. Я ей говорю: «Маша, какие же у тебя хорошие дети», а она отвечает: «Да они же работают у меня, я плачу им зарплату». Это был для меня шок. Я раскрыла рот: «Ты правду говоришь?!» «Да», – отвечает она. Этого в России пока нет. А там дети с 10 лет работают: кто разносит почту по вечерам, кто еще что-то делает – каждый по силам. Она мне говорит: «Чтобы не выпускать детей из дома, считаю лучшим платить им сама».

Едем мы в машине, Маша плачет, спрашиваю: «Что случилось, Маша?» Она и говорит: «Никак не могу переварить: надо ехать по делам, а детей отвезти к бабушке, а бабушка посчитала, сколько стоит их прокормить. Я ей отдала деньги, а она и говорит мне: “Маша, что ты дала мне, это только на питание. А больше они ничего не получают”. Ну, у нас это просто не укладывается в голове».

Пригласили Марию в гости, она взяла меня с собой. Я там доходов не имела и пошла в гости без подарков, а они сказали Маше, чтобы гостью (т. е. меня) в другой раз не приглашала, так как им кормить её нечем.

Когда я пошла помыться, Мария мне говорит: «Валя, воду береги, а то не хватит помыться». Захожу в подъезд, загорается свет, поднялась на этаж – свет погас, и так везде.

Пришло мне в голову немного подработать, думала-думала, что делать, и придумала: буду собирать пустую посуду – и хоть копейки получу. Отправилась в сад, где отдыхает много молодежи, в надежде найти пустые бутылки, но оказалось, что охотников собирать посуду там было больше, чем её: не успею подойти к оставленной бутылке, как её уже забрали.

Однажды я так рассмешила Т. С., что она говорит: «Замолчи у меня живот болит от смеха». Маша пригласила меня в закрытый магазин, где вход по пропускам, и сказала, что там можно купить дешёвые вещи. Моя реакция: я всё сразу умножаю на пять и соображаю, что я могу купить на свои деньги ровным счетом ничего. Поролоновая губка чистить обувь стоит 10,5 крон – это наших 50 рублей (тогда это были большие деньги, если зарплата 120 руб.). После чего я решила здесь буквально ничего не покупать. Тогда я и предложила Т. С., что, когда она будет выбрасывать свою губку в помойку, отдать её мне, а себе купить новую. Она так смеялась, но это ещё не всё. Мне много дарили поношенных вещей, но хорошо сохранившихся и добротных, а везти нет сумок. Маша спрашивает: «А как ты повезёшь вещи?». Говорю: «Куплю черные целлофановые мешки, перевяжу веревками и так поеду в Россию». Мария купила мне упаковку мешков. Когда я сказала об этом Т. С., она мне говорит: «Дурочка, да они для того, чтобы на помойку мусор выбрасывать» – и опять смеялась от души. Я ей говорю: «Тогда буду мыть эти мешки, какая экономия будет для вас», она еще пуще смеётся надо мною.

Была я там Петровым постом. К чаю Маша приносит торт, я ей говорю: «Маша, сейчас пост». Она отвечает: «А у нас здесь почти всё постное, у нас 90% населения больны, кругом одни магазины с диетпитанием».

Когда собирались на чай после службы и потом мыли посуду, то ставили два бака: в одном вода с порошком, а в другом – чистая вода, и вот в двух баках мылась вся посуда.

У Татьяны Сергеевны там была подруга Мария Алексеевна – 90 лет, её родители бежали из России в 1918 г. через Китай, Францию, осели в Дании. Она там родилась и вышла замуж за датчанина, но за всю жизнь датский язык не изучила, она действительно его не знала и не хотела учить. Её в то время положили в больницу, и мне пришлось с ней сидеть, так как медсёстры не знали, как с ней общаться. И они обе всегда говорили:

«Если бы было куда нам вернуться в Россию, мы бы с радостью отсюда уехали». Когда были молодые, возврат им грозил тюрьмой, а состарились — нет сил. Но всю свою жизнь тосковали по России.

В Дании проживал один русский, женившийся на датчанке. Умирая, он завещал, чтобы его отпели по-православному. По его кончине пришла жена в православный храм просить священника, священник отказался идти в протестантский храм и там отпевать. Тогда они стали просить хоть кого-нибудь прийти и попеть по-православному. На клиросе пел один русский бас, но устава и порядка он не знал. И обратился ко мне, чтобы я пошла с ним. Таким образом, 17 июня 1991 г. мы вдвоём пели в датском храме панихиду возле усопшего. Сначала они отпели его по-своему, священники у них женщины, чему я была очень удивлена. Затем, стоя на амвоне, мы пропели панихиду. Впервые я увидела эти дорогие закрытые гробы.

Много я там увидела нового. Так, однажды Мария провезла меня по окраинам города Копенгагена, где расположены поселения беженцев, а их там огромное число, бездомных, — это печальное зрелище. Правда, их кормят, но каково моральное состояние человека, когда он чувствует, что его подкармливают, чтобы не умер с голода.

Иду я однажды по городу, идут под руку двое мужчин. Я говорю: «Маша, как же у вас здесь хорошо, какие дружные люди, вежливые». Она мне говорит: «Да ты просто дурочка, это же муж с женой». Для меня в то время это было ново и дико. Затем мне передали фото из газеты с изображением венчания мужчин. Один сидит с букетом цветов на коленях у другого. Приезжает Мария из Америки (ездила на малое время) и рассказывает, что видела там огромную демонстрацию мужчин, требовавших узаконивания их прав на совместную жизнь. Вот до чего мы дожили!

Её муж Эрик часто ездил в Москву по делам. Смотрю, у него неподъёмный, огромный чемодан. Спрашиваю: «Маша, чего столько Эрик везёт в Москву?». Она говорит: «Мы собираем всю обувь, и он возит её в Москву в ремонт. Здесь ремонт стоит столько, сколько новая обувь».

На прощание она сказала: «Мы на Россию смотрим, как на наше спасение. Здесь мы просто разложились и погибаем».

Когда я возвращалась домой и пересела из их самолёта на наш, российский, меня укусила муха, как я была счастлива — родная Россия, родные мухи! А там — ни одной мухи, идеальная чистота. А когда прилетела в Россию, хотелось целовать этих милых бабушек в платочках и как была мила родная грязь русская.

## ПОСТ В ЖИЗНИ О. МИХАИЛА

Пост — это не просто воздержание от пищи, это, прежде всего, послушание Богу. Когда в раю Господь дал людям заповедь не вкушать от древа познания добра и зла, то дерево ведь не было скоромным. Значит, дело не в том, что мы кушаем, а выполняем ли мы повеление Божие об исполнении поста.

Так, соблюдая эту заповедь, батюшка через всю свою жизнь строго пронес это послушание. Я не встретила в жизни ни одного человека, который бы так строго пост соблюдал.

Однажды в пятницу дома приготовили постный обед. Подали батюшке, он отодвигает и строго говорит: «Как вы посмели подать сегодня скоромный обед?». Верочка возмущенно говорит: «Ну что ты все придираешься? Суп-то совсем постный, я туда ни капли масла не лила». Тогда батюшка говорит: «Ну-ка, иди сюда, а откуда там тогда блестяшки масла плавают?». Смотрим, и правда — в супе блестяшки плавают (в это время я тоже была дома). Мы с ней ломали голову, как это могло произойти. Пошли на кухню разбираться. Оказалось, Верочка готовила суп и на субботу, а по забывчивости одной и той же ложкой помешала суп, который варился на постный день. Вот так строго батюшка относился к соблюдению поста.



Прот. Михаил, матушка Вера Александровна,  
Валентина Андреевна Звонкова. 1980-е годы.

Фото С. Симчука

На приходах, где служил батюшка, во время праздничных столов или за архиерейскими столами отец Михаил никогда не нарушал поста. Если владыка скажет: «Отец Михаил, за послушание вы должны скушать то-то или то-то», то отец Михаил всегда отвечал: «Вот я за послушание церковным уставам и не должен этого кушать».

Помимо постов, установленных Церковью, батюшка очень часто постился и по другим причинам. Так, мы знаем, вымаливая болящую Анну в Абане, он ежедневно постился до вечера; вымаливая тяжело болящего иерея Владимира, он также брал на себя пост. А бывали и однодневные посты — если нам предстояла дальняя поездка, например, к матушке Макарии, то накануне он практически не ел и мало пил.

Когда был день Ангела Верочки, или батюшки, или праздники, у нас собирались гости — комната вмещала не более 15–17 человек, а желающих было более полусотни — то приходилось гостей приглашать к столу по очереди, а батюшка все сидел и сидел со всеми, не поднимаясь, целый день. Для всех — это праздник, а для батюшки — подвиг воздержания. Утром, как подадим ему еды, так вечером после ухода гостей, а уход иногда был в шесть часов вечера, его еда так и стоит чуть-чуть тронутая.

Когда мы жили в Семхозе у о. Германа, был такой случай. Отец Герман был духовником Московской епархии, он был старше нашего батюшки и гораздо слабее здоровьем и поэтому позволял себе послабление поста, да и то очень незначительное. Но отношение отца Михаила к посту было удивительное, и надо было слышать (эти разговоры происходили дома за чашкой чая), как отец Михаил делал ему замечания. Мы батюшке говорим: «Да ты что делаешь, он не менее тебя всё знает». А он нам отвечает: «Знает, не знает, а я говорю не от себя, а то, что Церковь узаконила и святые отцы в правилах написали. А уж как он будет поступать, это его дело». Тогда мы говорим: «Да он нас выгонит отсюда, что мы будем делать?». Но батюшку это нисколько не волновало: «Выгонит, так и уедем». Отец Герман нас, конечно, не выгонял, но сам в присутствии батюшки уже пост не нарушал.

Пройдя коротко, мысленно, весь его жизненный путь, мы видим его подлинное отношение к посту, где только любовь к Богу и исполнение Его заповедей.

1929 год, Мише тринадцатый год. По примеру своего отца особо усиливает пост — ничего не ест с Великого Четвертка до Пасхи.

1936–1937 годы в экспедициях также строго проводил Великий Пост, не пил даже воды с Великого Четвертка. В своих воспоминаниях он пишет, что все посты им соблюдались.

1941 год, Страстная неделя Великого Поста в камере 212, три дня перед Пасхой он ничего не ест. Далее идет заключение до 1956 года. Для о. Михаила заключение — это 15 лет поста и просто голода.

1957 год — офицерские сборы (во время учебы в Институте) в течение месяца. Они пришлись на Петровский пост. Здесь, на свободе, он тоже ничего не ел скромного, его начальники — полковники — думали, что у него расстройство желудка, и стали приносить ему питание со своей кухни: яйца, сметану, кефир. Вечером он все отдавал своим ребятам.

1958 год. Обнаружен туберкулез легких, назначение врачей — усиленное питание, особенно сливочное масло. Наступил Великий Пост, батюшка его проводит в полной строгости.

1963–1967 годы в МДА отец Михаил обедал не за общим столом, а за столом монашествующих, так как для семинаристов и академиков было послабление поста.

Батюшка мне неоднократно говорил: «Вот я сейчас в здравом уме, но если я заболею и не буду ничего помнить и понимать, то беру с тебя слово, чтобы ты кормила меня, никогда не нарушая постов, если даже врачи и будут прописывать мне куриные бульоны».

Вина он не пил вообще никогда и никакого. Но один раз в год разрешал нам в Великую Субботу кагор, и то с чаем, а сам и тогда не пил, а свою порцию отдавал мне.

Кофе и крепкий чай никогда не пил, заваривал чай только для того, чтобы немножко отбить запах хлорной воды. Я как-то заметила, что он с удовольствием кушает мороженое, и вот, по неосторожности, сказала за столом, что батюшка любит мороженое. Как-то на именины принесли



Посещение прот. Михаилом «Немецкого кладбища». У могилы схииеромонаха Зосимы.  
Фото С. Симчука



несколько пачек мороженого. Когда стали предлагать батюшке покушать, он есть не стал, потому что как-то услышал, что сказали: «Батюшка любит мороженое». С тех пор он его вообще есть не стал и говорил: «Какой позор, отец Михаил любит мороженое! Любить надо Бога, а не мороженое».

Никаких слов: «Я это люблю или не люблю», — никогда не произносилось, батюшка ел всё то, что подавалось к столу. Никаких просьб о том, что бы ему хотелось, никогда не было.

В жизни отец Михаил очень много голодал. И вот однажды голодный он пришел в один дом, а там сели обедать, а его к обеду не пригласили. Выйдя из дома, он сказал: «Если придет время, и я буду иметь достаток, то никогда ни одного человека из своего дома не отпущу голодным». Так и было в доме батюшки. Ни один человек никогда из дома батюшки не уходил ненакормленным. Если человек говорил, что он только что пообедал и кушать не хочет, то батюшка на это всегда говорил: «Только рентгеновский снимок докажет, чтобы я видел, что желудок полный, иначе никаких отговорок не принимаем, обедать — и всё!». Как только человек входил в комнату, батюшка поднимался и сразу пел «Отче наш», благословлял пищу, и все садились кушать.

### МОЛИТВЫ ОБ УСОПШИХ

Батюшка очень часто посещал могилы усопших и всегда говорил: «Они сами себе уже помочь не могут, и дело живых людей — помочь своим близким и родственникам». Приходя на могилы, батюшка приветствовал лежащих в них, служил литию, а прощаясь, всегда говорил: «Ждите нас, молитесь за нас, мы за вас молимся, мы скоро к вам придем».

Дома часто читал акафист «Усопшим» с припевом: «Отче наш Любовь Неизреченная, помни усопших раб Твоих». С какою любовью он читал и произносил эти слова, могут говорить только слезы, которые невольно текли, когда мы молились вместе с ним.

Многие часы он проводил за поминанием усопших. Помянник его последнее время доходил до 10 000 имен, живых, и усопших. А где он набрал столько имен? Сохранилось в архиве батюшки неопубликованное воспоминание о том, как им составлялся помянник: «При чтении книг исторического содержания мною выписывались встречавшиеся в них имена, и эти выписки обогатили мой помянник дополнительными тысячами имен лиц исторических. Когда до меня доходит слух о происшедшем в наше время злодействе, я стараюсь узнать имена преступников и их жертв, чтобы включить их в свой помянник и молиться за

них в течение года или дольше... Когда в храме мне удастся повстречать калек или парализованных (на колясках или на носилках), я стараюсь узнать их имена, чтобы затем помолиться и о них. С этой же целью стараюсь я узнавать имена одержимых бесовщиною (лающих, хрюкающих, рычащих, дергающихся...). И если в храме я вижу молодых людей, молящихся перед Крестом Христовым или пред иконою какой-то, то мысленно в это же время я тоже молюсь о том, чтобы Господь услышал их молитву и исполнил прошения их во благо им.

Неудивительно, что за время моего священнослужения помянник пополнялся все новыми и новыми именами, так что к 1964 г. их насчитывалось в нем более четырех тысяч. В последующие годы (до 1978 г. включительно) мною всякий раз за проскомидией поименно вынимались частицы за их души. С октября 1979 г. я перешел на поминание шести тысяч, а с января 1984 г. доньше уже поминаю не менее десяти. В заупокойные родительские субботы поминание дополнительно увеличивается примерно на 5–6 тысяч.

На Литургии мной поминается всего от 50 до 100 имен, выбранных из помянника для персональной о них молитве на сугубой ектении и по «Изрядно о Пресвятей»... Весь же помянник на Литургии, понятно, никогда не читается из-за его объемности». Составлять и следить за помянниками батюшке помогали его близкие. И кого только он ни поминал! Он считал, что самое большое добро, которое он может делать людям, — это молиться, и он не жалел себя на этом поприще.

Иногда, шутя, мы ему говорили: «Умрешь — тебя тысячи покойников будут встречать, потому они хотят, чтобы ты долго жил и молился за них».

### СЛУЧАИ ПРОЗОРЛИВОСТИ О. МИХАИЛА

С 1979 г. батюшка был на покое, а я трудилась в храме Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище. При настоятеле о. Валентине Парамонове в 1993 г., по благословению епископа Арсения, открылись курсы по подготовке чтецов и певцов для клироса. Возглавить их отец настоятель благословил меня.

Учился у меня раб Божий Алексей. В 1994 г. его забрали в армию. Служил он в Подмосковье, в пос. Шапошниково. Я решила его навестить. Говорю батюшке: «А что привезти его начальнику? Ну, Алексею-то, понятно, продукты». Мне батюшка говорит: «Возьми Евангелие, подари». Я отвечаю: «Да что ты, отец? Начальнику, военному, партийному, какое Евангелие? Ему нужна бутылка коньяка!». Мне отец Михаил повторяет: «Возьми Евангелие». Я ему в ответ: «Да что ты в этом понимаешь? Ему бутылка нужна». Тогда он говорит:





Прот. Михаил Труханов. 1990-е годы.  
Фото С. Симчука

«Ну, делай, как знаешь».

Собрала я две сумки гостинцев, отправилась. Стою в проходной КПП. Перекладываю сумки от тяжести из руки в руку, они не достают до пола сантиметров десять. Неожиданно у меня падает сумка, в которой находилась бутылка с коньяком. Прихожу в комнату для встреч. Достая продукты, а они плавают в коньяке, бутылка разбилась на мельчайшие осколки. Возвращаюсь домой. Отец Михаил встречает, а сам улыбается: «Ну, что, подарила свой коньяк?»

Позвонила как-то раба Божия Александра, просит встретиться со мной в метро в 18 часов. Говорю батюшке: «Отец, благослови, я пошла на свидание». Он мне говорит: «Не ходи». Я отвечаю: «Не могу, обещала». Он мне повторяет: «Я тебе говорю, не ходи». Я опять своё: «Не могу, меня будут ждать». Пошла. Простояла я полтора часа и вернулась домой. Отец улыбается и говорит: «Ну, как встреча?». Через час звонит Александр, просит прощения, что не смогла приехать.

В пору нашего пребывания в Рузе Полина как-то обратилась с просьбой к батюшке, говоря, что к ней приедет иеромонах за овощами, чтобы их передать нуждающемуся священнику, и он очень хочет встретиться и поговорить с отцом Михаилом. За несколько минут до его приезда батюшка закрылся в своей моленной комнате и не вышел, пока не уехал гость. Иеромонах погрузил овощи, долго обедал, не торопился, несколько раз мы напоминали отцу Михаилу, что гостю скоро надо уезжать и он ждёт батюшку. Но реакции никакой не было. Так и проводили мы гостя ни с чем.

А в это время должен был подъехать молодой человек с семейными проблемами. Я стала волноваться: что же делать, если и к нему не выйдет батюшка? Через полчаса подъезжает машина, и, на удивление, тут же выходит батюшка из своего «затвора». Он с любовью встретил молодого человека. Они вышли на улицу.

Батюшка везде брал меня с собой как не кое-го свидетеля. В тот раз я спросила отца: «Не буду ли им мешать своим присутствием?». Он ответил: «Нет», — и велел идти с ними. Этот разговор у меня остался навсегда в памяти. Батюшка не просто слушал молодого человека, но подробно расспросил его обо всех его делах. Разговор был духовный, о. Михаил приводил много примеров из Священного Писания.

Второй случай произошёл в Москве. Пришли к нам три рабы Божии (имена я умышленно не называю) поделиться тем, что они скоро будут принимать постриг монашеский. Много говорили, шутили, рассказывали, куда поедут на постриг, побыли у нас около двух часов. Отец сидел и слушал, не говоря ни слова, утомился от наших разговоров, сидя стал дремать. Я начала подумывать, как бы так проводить гостей, чтобы они не обиделись, потому что отцу нужен отдых. Но они сами, видя, что батюшка почти спит, поднялись и ушли.

Не успела я прибрать со стола, как вдруг — звонок, идут две другие рабы Божии. «Ах, — думаю, — отец совсем не успел отдохнуть». Пришли новые гости, начали разговор, наш батюшка преобразился, куда девалась дремота, заулыбался, полностью включился в их разговор, всё расспрашивал, отвечал на их вопросы, пил с ними чай. Я смотрела на него и глазам своим не верила, как переменился батюшка буквально за 10 минут. У батюшки среди духовных чад была Татьяна маляр. Она услышала, что многие из Москвы стали ездить к матушке Макарии в село Темкино Смоленской области. Пришла однажды к батюшке и просит благословения поехать к матушке Макарии, не объяснив ему причины поездки, а он не стал её спрашивать. Надо понимать, ей хотелось узнать у матушки Макарии, а правильно ли отец Михаил даёт ей советы. Отец Михаил благословил её просто в дорогу. Через день приходит она злая, и буквально набросилась на батюшку: «Отец, ты что издеваешься? Отправил меня в Смоленск, а матушка Макария не стала со мной разговаривать и говорит мне: “Ты зачем сюда приехала? У тебя есть о. Михаил”». На это он ответил: «Да ведь я же тебя не посылал. А запретить, — как я могу, ты просишь благословение поехать, я тебе его дал».

У моей мамы была духовная сестра Евдокия Андреевна. У неё пропал без вести сын Константин. Пришла она к батюшке, рассказывает своё горе. Батюшка говорит: «Ты молись, и я помолюсь, может быть, Господь и откроет, где он».

У неё дома после исчезновения сына жизнь со снохой стала просто невозможной: во-первых, тесно, а во-вторых, разного они духа. Она стала думать, как бы приобрести домик. В Смоленской

области в деревне у неё живёт сестра, и там есть возможность купить недорогой домик. Но средств у неё никаких нет. Где их брать, и что делать?

Однажды она приезжает к нам и благодарит отца Михаила, что тех денег, которые он ей дал, хватило как раз на покупку дома. Мы об этом совершенно ничего не знали. Он любил делать тайно добрые дела и всегда говорил: «Левая рука не должна знать, что делает правая». И, оказалось, что дом, который продавался, стоил как раз пятьсот рублей, которые и дал ей тайно отец Михаил. А также она благодарила батюшку, что по его молитвам Господь показал во сне сына Константина, который ей сказал, что его убили и бросили в Москва-реку, но ему сейчас хорошо. И чтобы она только молилась...

На каком бы приходе ни служил отец Михаил, духовная связь с чадами этих приходов у батюшки сохранялась до конца его жизни. Теперь уже многие люди ушли в вечность — ведь прихожанами были люди пожилого возраста. Желание видеть батюшку даже после его перевода на другое место заставляло верующих приезжать к о. Михаилу в Москву. Ездили до тех пор, пока были силы, а потом стали искать возможность пригласить его к себе пожить на длительное время. И тогда духовные чада сообща решили купить ему домик около них. Долго они искали в Кашире, но подходящего ничего не было, и в 1973 г. в г. Озёры, наконец, нашелся удобный домик, где батюшка потом не раз бывал, отдыхал и встречался с близкими людьми. Но не надо забывать о том, что за ним зорко следили, и потому наши поездки были сложные. Ведь собирался народ, и это тотчас становилось известно секретарю Райисполкома. Хозяйку вызывали и предупреждали о том, что собрания людей наказуются. И нам приходилось ехать в ночь на электричке до Каширы, а далее автобусом доезжали до реки Оки, потом пешком пять км, чтобы нас никто не видел. Батюшка наперевес тащил сумки, а мы с матушкой Верочкой, нагруженные, плелись за ним. В полночь добирались до дома. Потом потихоньку по несколько человек приходили навещать батюшку духовные чада, чтобы решать свои проблемы.

Когда мы жили у архимандрита Германа в Семхозе, у него была духовная дочь Зоя Георгиевна, она шила церковные облачения, печатала. Познакомившись с отцом Михаилом, перешла к нему, отец Герман не обижался, по смирению считал себя ниже отца Михаила. Она проживала в Сергиевом Посаде. Дом ее находился на окраине города, и проход к ней был вдоль железной дороги, вдали от жилых домов, что устраивало батюшку, там он соборовал духовных чад, у неё он хранил и свои рукописи, как в более надежном месте. Хра-



Матушка Вера Александровна. 1990-е годы.  
Фото С. Симчука

нила Зоя Георгиевна их в коробках в подполе. Видимо, по доносу как-то в дом нагрянула проверка из милиции. Они нашли книги самиздата, которые сейчас свободно лежат в книжных лавках, такие как «Отец Арсений», «Неугасимая лампада», зарубежные издания отца Павла Флоренского, о Царственных мучениках и другие. Шкафы книжные опечатали. Зоя была мужественной, истинной христианкой. Невзирая на то, что установили наблюдение и слежку, она за ночь сожгла все письма, адреса, рукописи (в том числе отца Михаила). Зоя говорила: «Лучше сама пострадаю, чем кого-то за собой уведу». Её вызвали на допрос и провели по соответствующим инстанциям КГБ. Показали статью, где было написано: десять лет лишения свободы за антисоветскую пропаганду. Её не раз допрашивали, грозили, и это всё в наши 80-е годы. Пока длилось это дело, уже началась перестройка и свободное вероисповедание. Таким образом, основная часть рукописных работ отца Михаила пропала.

Когда мне пришлось работать с воспоминаниями об отце Михаиле, то его рукописей осталось немного, а с одной из них произошла интересная история.

Во время работы с книгой «Не могу не говорить о Христе» мне потребовались рукописи батюшки. Найти я их никак не могла, что существенно усложняло мою работу. И вот однажды зашла я в маленькую комнату, и захлопнулась дверь, осталась я там без телефона и без какого-либо инструмента, чтобы как-то открыть дверь. С трудом там нашла карандаш и бумагу, написала несколько телефонов, которые помнила, закрутила в трубочку, тоненькой веревочкой перевязала и бросила из окна с четвертого этажа. Первая попытка у меня не удалась, груз был не тяжелый, и ветер всё куда-то унёс. Пришлось искать что-то потяжелее. Освободила пол-литровую баночку, положила в неё опять номера телефонов, нашла



Прот. Михаил, Вера Александровна,  
Валентина Андреевна Звонкова. 1990-е годы.  
Фото О. Кириченко

веревку, привязала и спустила из окна. На этот раз баночку взял молодой человек. Я наполовину свисла из окна, пытаюсь ему что-то объяснить, но был ветер, который уносил мои слова. Догадался он сам и показал мне, что позвонит по этим телефонам. Но пока он позвонит и кто-то подъедет, у меня было достаточно времени. «Вот уж не надо учить молиться, сама молитва льётся, обращалась ко всем святым и батюшке отцу Михаилу, прося о помощи». Чтобы не грустить, я занялась делом. В комнате стояла большая коробка, в которую я складывала черновики для сожжения, решила её проверить. Что же оказалось? На дне этой коробки спокойно лежали те самые рукописи отца Михаила, которые я не могла найти. Какова же была моя радость! Нужно было это искушение, чтобы их найти. Через несколько часов подъехал Павел Иванович, у которого были ключи от квартиры, но чуть не произошло новое приключение. Он тихо походил по квартире и, никого не найдя, решил, что всё в порядке, собрался уходить. И в голову ему не пришло, что я закрыта в дальней маленькой комнатке. Я услышала какие-то шорохи и закричала, он остановился и открыл меня.

### *БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН*

В 1994 году по просьбе Центра социальной помощи и благотворительности «Мемориал» отец Михаил начал служить панихиды на Бутовском полигоне.

В конце 1991 г. в архивах госбезопасности было обнаружено множество томов не состоящих на учете дел о массовых расстрелах в период с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. Началась проверка имеющихся материалов. По материалам этой проверки весной 1993 г. было сделано заключение, что репрессированные, указанные в актах архивов Управления МБ РФ, захоронены на тер-

ритории полигона НКВД в районе поселка Бутово. Только за 14 месяцев 1937–1938 гг. на территории спецобъекта НКВД «Бутовский полигон» по политическим мотивам было расстреляно свыше 20 тысяч человек. Общая численность расстрелянных в Бутове – более 25 тысяч человек различных национальностей и вероисповеданий. Известны имена 20765 расстрелянных там людей, реабилитированных посмертно.

Центр социальной помощи и благотворительности «Мемориал» нашел отца Михаила. Его отец, протоиерей Василий, был репрессирован в 1937 г., в 1938 г. погиб на Колыме, а сам батюшка пострадал за исповедание своей веры и провел в тюрьмах и лагерях более 15 лет. Центр «Мемориал» в 1994 г. просил отца Михаила отслужить первую панихиду на Бутовском полигоне. Батюшка с благодарностью согласился и потом часто ездил туда служить панихиды. Он летел туда, как на крыльях.

Это были самые первые панихиды на Бутовском полигоне. Там еще не было ни часовни, ни храма, была установлена только в 1993 г. мраморная плита с надписью: «На месте сем будет сооружен храм в честь Новомучеников и Исповедников Российских в память об иерархах, клириках, монашествующих и мирянах, за веру и правду жизнь свою положивших и мученическую кончину здесь призвавших».

Для всех репрессированных, где бы они ни пострадали, и для их родных Бутовский полигон стал особым местом. Сколько там пролито слез родственниками захороненных на этом полигоне! После панихиды батюшка всегда говорил проповедь. Он говорил о том, скольких святых молитвенников мы приобрели в лице пострадавших за Христа. Вся земля русская пропитана кровью Новомучеников. Их смерть не напрасна, это наши ходатаи пред Престолом Господа за нас, грешных, за будущее России. Их имена знает Сам Господь, но когда мы будем готовы хоть чуть-чуть воздать им должное почитание, Господь откроет нам их имена, и они обязательно будут прославлены Церковью. Батюшка вселял надежду в сердца людей в те трудные девяностые годы, говорил о том, что пошло духовное потепление благодаря соборности молитв Новомучеников с нами. Мы счастливы теперь бывать здесь и молиться за Новомучеников, а они там всегда молятся за нас.

И, действительно, на архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 г. к лику святых было причислено более ста священнослужителей и мирян, пострадавших на Бутовском полигоне.

Батюшка предвидел, что очень скоро здесь будет открыт храм Святых Новомучеников и Ис-





После панихиды на могиле прот. Михаила Труханова. 2018 г. Представление трудов батюшки

поведников Российских, и радовался, что на это место будут приходить тысячи людей за утешением, прося их молитвенной помощи, и укрепляться в своей вере.

По благословию Святейшего Патриарха Алексия была создана община, которая взяла на себя труд строительства храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове. В декабре 1996 г., в день мученической кончины митрополита Серафима, над строящимся храмом был воздвигнут крест, а через год храм был освящен и в нем начались регулярные богослужения.

27 мая 2000 г. в Литургии на Бутовском полигоне и панихиде участвовали более 200 священнослужителей Москвы и области, тысячи верующих во главе со Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.

Отец Михаил говорил, что, если бы в будущем храме на западной стене нарисовать карту с указанием мест, где пострадали христиане во время большевистских гонений, мы увидели бы, что вся наша земля залита кровью, не будет ни одного уголка, где бы ни пролилась кровь Новомучеников. Их бесценной кровью земля российская ос-

вятилась, и их святыми молитвами Россия может возродиться от ужаса и тьмы безбожия.

Батюшка мечтал иметь образ всех Российских Новомучеников, и духовные чада написали этот образ в начале девяностых годов до официального прославления Новомучеников. Образ этот большого формата написан так, как хотел батюшка, и помню, с какою радостью его поднимали на руках на четвертый этаж в комнату батюшки.

Центр «Мемориал» был очень признателен отцу Михаилу за его ревностное служение и не раз присылал ему свои благодарности.

#### ПОКАЯННАЯ МОЛИТВА

Батюшка тяжело переживал положение в современной ему России — насаждение безбожия в другой форме — через поощрение в государстве и обществе греха и порока. Им была написана Покаянная молитва. Эту молитву читали на многих крестных ходах, посвященных иконе Божией Матери «Державная». «Молитва Богородицей услышана», — писал В. Филиппов в журнале «Держава» по поводу этого события 15 марта 1998 г., в день 81-й годовщины обретения иконы





После панихиды на могиле прот. Михаила. 2018 г. Поминание на кладбище.

Божией Матери, именуемой «Державная». В Москве на многолюдном крестном ходе участникам был роздан текст Покаянной молитвы, которая звучала на всем пути от Лубянской площади до храма Святителя Николая на Берсеневке. Людям пришлось по три часа ждать очереди, чтобы приложиться к образу «Державной», так много было желающих. В этот же день, в девять вечера, после многочасового молитвенного бдения, икона начала мироточить.

Батюшка имел большой круг духовных чад из числа ученых, издателей, публицистов. Он старался, чтобы всюду, где возможно, звучала мысль о покаянии, о вере, о новомучениках Русской Православной Церкви. Некоторые православные периодические издания публиковали отдельные работы о. Михаила, беседы с ним.

Протоиерей Михаил был очень строгим и требовательным, когда речь шла об истине. Для него в научном мире истина без Христа, вне Христа не имела никакой ценности: ни величие имени, ни грандиозность проектов и обширность достигнутого сами по себе его не трогали. По его благословению с начала 90-х годов в Институте

этнологии и антропологии РАН образовалась группа ученых-этнографов по проблематике православия во главе с профессором Мариной Михайловной Громыко. Батюшка становился на молитву, когда защищались кандидатские диссертации: Г. А. Романова «Крестные ходы в Древней Руси», Г. Н. Мелеховой «Православные традиции на Русском Севере», О. В. Кириченко «Православные традиции дворянского благочестия в XVIII в.», Х. В. Поплавской «Народная традиция православного паломничества в России XIX–XX веков (по материалам Рязанского края)». В 2004 г. была защищена докторская диссертация К. В. Цеханской «Иконопочитание в русской традиционной культуре». Батюшка благословил издание периодического научного сборника «Православие и русская народная культура», научного православного журнала «Традиции и современность». Под молитвенным покровом протоиерея Михаила проходил в Институте этнологии важный для православной группы научный семинар «Православие и русская народная культура». Отец Михаил не раз обращал внимание ученых на важность изуче-

ния темы новомучеников и исповедников российских, так как наша память и молитвенное общение с ними нам придаёт крепость и мужество исповедовать имя Христово.

За свои общественные труды отец Михаил получал много благодарностей от духовных лиц, общественных организаций:

Тридцать семь писем и открыток с 1969 г. по 1991 г., благодарственных и поздравительных, получил отец Михаил от митрополита Филарета (Вахромеева) Минского и Слуцкого экзарха всея Белоруссии.

Пятнадцать писем и открыток, поздравительных и благодарственных, отец Михаил получил от владыки Ювеналия (Пояркова), митрополита Крутицкого и Коломенского.

От Свято-Димитриевской общины сестер милосердия.

Поздравил Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей.

Восемь писем от Григория (Чиркова), епископа Можайского.

Поздравляло и множество частных лиц.

Очень много писем хранится в архиве батюшки.

В поздравлении Святейшего Патриарха Алексия II коллективу и учащимся Военной академии ракетных войск стратегического назначения в связи с десятилетием со дня основания факультета православной культуры в числе известных священников назван и отец Михаил.

### *ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ*

Сколько батюшка делал поклонов — знает один Господь, но, надо полагать, очень много. Когда у него на ноге открылась рана и мне пришлось ее обрабатывать, я увидела у него на коленях большие наросты огрубевшей кожи, до мозолей, от стояния на коленях в молитве. Я ему говорю: «Давай, батюшка, я помажу, тебе будет полегче», а он мне: «Не тронь!». Он не хотел облегчать себе страданий. Тогда, шутя, я ему и говорю: «А, это ты хочешь идти “туда”, и своими мозолями показать свои подвиги», — после этого разговора он разрешил мне мазать его колени. Ни одной ночи не было, чтобы батюшка не вставал на ночную молитву.

В свободное время — разъезды с батюшкой по нуждам духовных чад: кого причастить, кого посоветовать. Не один раз ездили в Тёмкино, к матушке Макарии. Отец Михаил окормлял духовных чад из подмосковных городов: Подольска, Пушкино, Монино, Каширы, Озёр и Троице-Сергиевой Лавры. Многочисленный поток людей до ма: духовные чада из всех мест, где служил батюшка, постоянно навещали его.

У отца Михаила было много образованных духовных чад, а я имела всего семь классов образования, вот я и говорю батюшке: «Батюшка, благослови меня учиться, смотри, у тебя все какие образованные, а я ничего не имею», на что он мне ответил: «А тебе оно не нужно, тебе хватит Благодати».

Прошло много времени, сидим мы, отец говорит: «Вот Валентина будет ухаживать за Верочкой», а я говорю: «Хорошо. А я вот одна, за мной некому ухаживать». А батюшка и говорит: «И за тобой будут ухаживать».

### *Начало болезней*

23 января 2000 г., в воскресенье, мы с батюшкой молились в храме Христа Спасителя. По окончании пения «Верую» на Литургии батюшке стало плохо, он стал падать. Я стояла рядом и успела поддержать его. В храме молились и другие духовные чада отца Михаила, они быстро подошли и на руках вынесли его из храма. Домой батюшку привезли в тяжелом состоянии. В квартире собрались духовные чада, и все мы молились до тех пор, пока отец не пришел в себя. Он открыл глаза и немного выпил воды, мы все облегченно вздохнули. Обнаружилось, что у него открылась рана на правой ноге, на которой пальцы были отморожены еще в заключении. Ноги у него вообще больные, правая нога до колена была темно-коричневая, но на все наши просьбы обратиться к врачу мы получали отрицательный ответ, оставалось только молиться и уповать на милость Божию.

С января по апрель отец Михаил тяжело болел. Чтобы показать, насколько критическим было его состояние, приведу несколько фактов. Поскольку лечили батюшку его духовные чада — врачи, то в поликлинику мы не обращались. Но однажды, в пятницу, когда ему стало совсем плохо, Вера Александровна с Павлом Ивановичем вынуждены были пойти в поликлинику и предупредить дежурного врача о возможной «кончине тяжело больного Труханова», чтобы отказаться от медицинского вмешательства, если его захотят забрать в морг. Прошло несколько дней, духовные чада купили отцу облачение для погребения, так как состояние его продолжало оставаться тяжелым. Две рабы Божии везли облачение. Одна из них была у батюшки и видела его в тяжелом состоянии, а другая не была. И поэтому всю дорогу молила Бога увидеть его живым. Только они вошли в квартиру, держа в руках облачение, вижу лицо той, которая молилась, меняется — она начинает испуганно пятиться назад и смотреть куда-то мне за спину. Я обернулась и тоже ужаснулась: из комнаты вышел батюшка, стоит и смотрит на нас.





Труды прот. Михаила Труханова, изданные В. А. Звонковой

Вскоре его соборовали. После соборования ему стало легче, и он потихоньку стал поправляться.

В последние годы он болел довольно часто. Но ни единого стога, ни единой жалобы, ни единой молитвы к Богу о помощи в болезни от него не было слышно. Не о здоровье молился батюшка, а о спасении своей души.

Здесь следует сказать, что с этого времени батюшка жил молитвами духовных чад, так как выходил из критического состояния своей болезни совершенно без медицинской помощи. Находясь в безнадежном состоянии, он вдруг поднимался сразу, неожиданно. Когда батюшка заболел, я сразу звонила духовным чадам, и весть о его болезни быстро распространялась, все вставали на молитву. Его все очень любили, и результаты молитвы были налицо.

Вот один из случаев. В 14 часов дня отец Михаил мне говорит: «У меня отнялись ноги, боль такая, что наступить не могу. Видимо, мой конец пришел». Действительно, с постели он подняться не мог, и я предложила ему пособороваться. На этот раз пригласили семь священников, как положено по уставу. Позвонила знакомым священникам и в Троице-Сергиеву Лавру, откуда обещали приехать трое. Сообщила духовным чадам, чтобы молились: весть о болезни разнеслась очень быстро. Время идет, молимся. Около семнадцати часов о. Михаил говорит: «Знаешь, а мне лучше». Стал приподниматься на постели, сел, опустил ноги. Держась за стол, стал подниматься, опять сел, встал, наступает то на одну ногу, то на другую и говорит: «Слушай, да ведь у меня все прошло, и

боли нет». «Отец, а что же делать с соборованием-то? Ведь пригласили уже священников». Он мне говорит: «Извинись перед ними, скажи: полегчало, до другого раза». Снова звоню. Мне говорят: «Что ты нас все пугаешь, мы тебе в следующий раз верить не будем».

Однажды приходит моя сноха Надежда, радостная, и говорит: «Не переживай, отец не умрет еще пять лет. Сегодня молилась я со слезами всю ночь. Просила Бога и говорила, что нам без батюшки будет жить невозможно, а я все равно больная и никому не нужна. Пусть Господь возьмет меня, а батюшку оставит. Он ведь всем нужен, и я получила ответ: “Батюшка проживет еще пять лет”. Так ты успокойся, он еще поправится». Батюшка слушает, да и говорит: «А кто тебя просил это делать?». Я знаю, много было подобных случаев, когда люди действительно часами молились за батюшку. Отец Владимир из Просека на молитву ставил не только свою общину, но и заключенных ребят из тюрьмы, которую он окормляет. Они делали большое количество земных поклонов, читали Евангелие. И это делали до тех пор, пока от меня не получали ответ: «Спаси вас Господи! Батюшке полегчало». То же делали наши минские друзья: молились в таких ситуациях до моего звонка о том, что батюшке стало лучше.

Поднявшись после этой тяжелой болезни примерно через полгода, батюшка еще несколько лет продолжал окормление своих чад и обращавшихся к нему богомольцев. После прочтения батюшкиных молитв этого периода становится понятным его духовное состояние, всё его последующее



поведение, его ночные стояния, нежаление себя: все его молитвы направлены на спасение России и заблудших, погибающих людей. Вот одна из них:

*Господи Спасителю наш! Воззри на смирение мое, на ничтожность мою среди народа моего — я жалок и презрен и уж никак не могу направлять народы наши, погрязшие в беззакониях, на путь хождения пред Тобою в благочестии и чистоте.*

*Господи! Внуши молитву мою пред Тобою, скажи мне то слово, которое дошло бы до престола Святыни Твоей, и Ты, Господи, любящий миловать, услышал бы меня ныне.*

*Господи! Ты знаешь всё и все мысли мои; Ты знаешь, что я для себя ничего не хочу от Тебя, кроме прощения грехов, прежде содеянных мною, и спасения окаянной души моей. Но я ныне, зная о тяжких грехах моих соотечественников, сокрушаюсь мучительно о том, что может их некогда ждать на праведном суде Твоем. И вот, я ныне дерзаю молиться о них: Господи, пощади их! Господи, помилуй их! Господи, прости их! Поистине, «не знают бо, что творят»!*

*Господи! Внуши нам Сам то слово любви в молитве за православных христиан России, Украины и Белоруссии, которое дошло бы до высоты престола Твоего и ныне побудило бы любовь Твою Божественную, направляя их (россиян, украинцев и белорусов) на смиренную молитву о покаянии и поставлении их на путь евангельской христианской жизни.*

*Ради нас, ныне немногих верующих в Тебя и живущих по словам и заповедям Твоим, услышь молитву нашу о погибающих в беззаконии людях наших. Ведь воля Твоя — всех человеков спасти.*

*Останови же, Господи, умножение на земле беззакония и греха и не попусти уверовавших в Тебя погибать на земле. Мы молимся: Господи, помилуй нас и всех россиян, украинцев и белорусов, уверовавших в Тебя и кающихся пред Тобою.*

*— Буди! Буди! Во славу Твою. Аминь.*

02.03.2001

#### *Просек — Нижний Новгород*

24 января 2004 года отец Михаил принял решение поехать в Просек, расположенный в 120 км от Нижнего Новгорода, к своему духовному сыну — священнику Владимиру Антипину. Некоторым духовным чадам казалось странным, что в 87 лет о. Михаил навещает своих духовных чад. Отца Владимира он знал еще по служению в Пушкино, с 1978 года. В то время Владимир Михайлович не

был еще священником и к вере относился прохладно. Но он так полюбил батюшку, что не делал ни одного шага в своей жизни без его благословения. Батюшка благословил его на священство и всегда радовался духовному росту своего чада. Отец Владимир долго и неотступно просил посетить его общину, и отцу Михаилу хотелось взглянуть на плоды молитвенных трудов своего чада.

Служил о. Владимир в храме Казанской иконы Божией Матери в г. Лысково Нижегородской епархии, потом его неожиданно перевели в село Просек, в совершенно запущенный храм. Прихожан нет, крыша течет, во время дождя вода льется прямо на престол. Приезжают к отцу Михаилу духовные чада отца Владимира, настроенные идти к Владыке и просить, чтобы о. Владимира не переводили в этот храм, так как восстанавливать его нет средств. Отец Михаил не благословил их идти к Владыке, а принять всё как волю Божию.

Большинство прихожан из Казанского храма г. Лыскова перешли к о. Владимиру на новое место. Отец Владимир — человек образованный — художник и преподаватель высшей математики. Но самое главное — он молитвенник, любит служить, соблюдает устав, проводит занятия с молодежью и своими прихожанами, подготовил хороший хор. В четырех километрах от них, находится тюрьма, которую он стал опекать. Ему удалось построить там храм. Служит о. Владимир ежедневно: то в своем храме, то в тюрьме. Каждое воскресенье идёт он крестным ходом с прихожанами в тюрьму с разрешения начальства тюрьмы.

Сельский храм, в котором служит о. Владимир, стал неузнаваем. Всё отремонтировано, вокруг храма появились асфальтированные дорожки, цветники. Со временем образовалась крепкая община, и теперь его духовные чада не нарадуются, что батюшка имеет отдельный приход. Постоянно питаются при храме более 30 человек, есть свой доктор.

Отца Михаила приняли здесь хорошо, дали отдельную комнатку, нам с Верочкой тоже выделили комнатку и еще приемную для гостей. Условия для проживания и молитвы были очень хорошие. Литургия в храме Святителя Николая у отца Владимира совершалась каждый день, и у нас была возможность там причащаться. Я еще работала в Москве, и на Страстную и Светлую седмицы мне необходимо было быть в своем храме. Я уехала в Москву. На Пасху служили в летнем храме, который только что открыли после зимы, он плохо отапливался. Проведя несколько часов в холодном храме, батюшка простудился. В день Пасхи мне позвонили и сообщили, что батюшке плохо, температура поднялась до 40°, лечение не помогало.

Я срочно выехала в Просек и уже в понедельник была на месте. Состояние батюшки было тяжелое, в понедельник и во вторник мы пытались лечить его дома, так как с нами был доктор, но улучшения не наступало, и было принято решение в среду перевезти отца в больницу в г. Лысково, в 20 км от Просека. В четверг Светлой седмицы отца перевезли в Нижегородскую районную больницу № 5, которая у них считается лучшей. Состояние отца Михаила продолжало оставаться очень тяжелым, к воспалению легких добавились другие недуги: заболели ноги, началась аллергия на лекарственные препараты. Батюшку стало тошнить, так как до этого он вообще никогда не принимал никаких медицинских средств. В связи со сложностью лечения был вызван профессор, который и стал его наблюдать. Отец Михаил, когда пришёл в сознание, сразу отказался принимать лекарства. Ему ставили капельницу, но три раза он срывал соединения системы, как только оставался один. Вернусь к нему после короткого отсутствия, а возле него — лужа крови. Я ему говорю: «Батюшка, что ты делаешь, посмотри, сколько крови вытекло, зачем ты это делаешь?». А он отвечает: «Пойми, что мне это лечение не нужно».

Прошло еще два дня, подошло Фомино воскресенье. Он мне говорит: «Одевай меня, поедem в церковь». А мы находились в реанимации. Я отказалась помочь ему одеться, чтобы не быть виновной в новом ухудшении и без того тяжелого состояния. Тогда батюшка сам оделся (было еще холодно), обулся, и мы направились к выходу из больницы. Когда проходили мимо кабинета лечащего врача (который, видимо, слышал наш разговор), он вышел и с удивлением спрашивает: «Михаил Васильевич, Вы куда?». А батюшка отвечает: «Мне нужен храм!». И мы пошли далее на выход. Время было уже семь часов вечера. К этому часу посещение больных закончилось, все разошлись. Подошли мы к выходу, и вдруг нам навстречу идет Галина Ивановна, приехавшая из Просека. Она очень удивилась, увидев в дверях отца Михаила. Бух ему в ноги и спрашивает:

— Что случилось? Куда вы идете? Я ей отвечаю: — Мы идем в храм.

— Да что вы, какой храм может быть в семь часов вечера, все храмы кругом закрыты, сегодня служба праздничная началась в 16-00.

Но батюшка был настроен идти в храм помолиться. Вышли мы из больницы, видим, стоит одна запоздалая машина. Галина Ивановна попросила водителя подвезти нас до храма, и он нам не отказал. Встал вопрос, куда ехать, ведь все храмы в округе к этому времени были закрыты. И тут она вспомнила, что неподалеку находится Благове-

щенский мужской монастырь. Поехали туда. Приезжаем. Водитель извинился, что более не может нас сопровождать, и уехал. Территория монастыря была довольно большая, а батюшка передвигался с трудом. Подошли к храму, он оказался закрытым, вечернее богослужение уже закончилось. Вдруг видим, идет семинарист (при монастыре действует семинария), да к тому же знакомый Галине Ивановне. Она к нему:

— Слушай, Саша, как нам попасть в храм, батюшка очень хочет помолиться в храме, открой нам храм. Тот согласился:

— Сейчас, — говорит, — схожу за ключами. Вернулся он и привел с собой еще одного семинариста — певчего.

Открыли храм, и семинаристы в два голоса пропели для батюшки весь пасхальный канон, стихиры Пасхи.

Отец Михаил с ними помолился и утешился. Стали мы собираться обратно в больницу, но как ехать? Кругом пусто, не видно ни одной машины. Галина Ивановна пошла на огонек в одно из помещений поблизости, а там находилась продавщица, которая задержалась с отчетом. Галина Ивановна рассказала ей о нашей горе и посоветовала, что мы не можем уехать, а батюшка уже еле стоит на ногах. Продавщица говорит: «Сейчас за мной муж приедет, вот мы вас и подвезем». Действительно, очень скоро за ней приехал муж, и мы поехали в больницу. Подъезжаем к монастырским воротам, а они заперты. Но, слава Богу, в это время из корпуса вышел отец Александр, благочинный, и, увидав нас, буквально закричал, разводя руками: «Отец Михаил, да как же это Вы из реанимации-то убежали?!». В больницу мы вернулись в девять часов вечера.

В больнице батюшку причащал отец Игорь Гусев, живший недалеко от Нижнего Новгорода. Приехал отец Игорь однажды в шесть часов утра, а батюшка ему говорит: «Ну что же ты так поздно пришел, я тебя сколько жду?». Оказывается, он сидел на стуле с 2-х часов ночи, не спал и молился. Отец Игорь ему отвечает: «Хорошо, батюшка, я завтра приду в четыре часа утра, но кто же меня впустит так рано в реанимацию?». Я ему говорю: «Отец Игорь, в четыре утра я буду ждать вас у входных дверей». Утром в четыре часа я стою, как обещала, у дверей, но двери закрыты. Что делать? Отец Игорь также ждет на улице. И вдруг подъезжает машина скорой помощи, и он вместе с привезенным больным проходит в больницу. Причастил он отца Михаила, опять недоумение: как выйти из больницы? Оказалось, что двери забыли закрыть, и только после того, как отец Игорь вышел, дежурные закрыли дверь. Отец Игорь был так удивлен,

что посчитал это за чудо. И действительно: без всяких препятствий он пришел в четыре утра в больницу и ушел так, что никто его не видел, никого не надо было ни о чем просить. В следующую субботу отец Михаил также стал собираться в храм, но лечащая врач подошла к нему, обняла и говорит: «Михаил Васильевич, умоляю вас, не уходите. Пожалейте меня. Ведь меня снимут с работы за то, что больной из реанимации уходит. У меня же дети». Усадила его на кровать, и батюшка послушался ее, на этот раз в храм не пошел.

В четверг отец мне говорит: «Поехали домой в Москву». Я отвечаю: «Как же мы сейчас поедem? Вот завтра придет профессор, даст назначение. К тому же ты еще себя очень плохо чувствуешь, как тебя везти, ты едва держишься на ногах». В пятницу пришел профессор, дал назначение и сказал, чтобы по приезде в Москву мы обязательно продолжили лечение в больничных условиях из-за тяжелого состояния батюшки. Профессор ушел. Пришла медсестра с капельницей и таблетками, но батюшка от всего отказался и ничего не стал принимать. Пришел лечащий врач и спрашивает: «Михаил Васильевич, почему Вы отказываетесь от лечения?». Батюшка ему отвечает: «Мне этого не надо». Тогда доктор попросил написать письменный отказ от лечения. Батюшка согласился: «Вы напишите, а я подпишу», и через полчаса написал это заявление.

Пятница, суббота, воскресенье, понедельник прошли в полном покое, ни врачи, ни сестры к батюшке не подходили. Но в день отъезда все же пришлось вызвать врача, так как у батюшки сильно опухли ноги, покраснели и очень отекали. В таком состоянии нам не разрешили выезжать без сопровождения врача. На наше счастье, нас согласился сопровождать благочинный Благовещенского монастыря отец Александр, врач по профессии. В день нашего отъезда к больнице подъехали на четырех машинах духовные чада из Нижнего Новгорода, Лыскова и Просека. Все они сопровождали нас до вокзала. Также много провожающих прибыло на вокзал. Батюшку везде несли на руках, так как сам он идти не мог. Мы очень беспокоились, как отец перенесет этот переезд. Он был очень слаб. В таком состоянии мы и возвращались в Москву. Но, слава Богу, добрались до дома благополучно. Пробыли мы с ним в реанимации две недели.

В квартиру на четвертый этаж духовные чада батюшку несли на руках. Ноги у него распухли и отекали так, что наступить на них он не мог. По приезде домой духовные чада, чтобы взять благословение у батюшки и повидать его, возможно, в последний раз, устроили очередь на улице и домой

пропускали по несколько человек. Врачи мне сказали, чтобы я батюшку больше никуда не возила и дала ему спокойно дожить дома.

Прошло несколько дней, и батюшка мне говорит: «Поехали куда-нибудь на воздух». Решили поехать к брату на дачу. К машине с трудом с помощью людей он дошел, в машине его уложили. Пробыли там мы примерно месяц, но условия проживания желали лучшего. И мы переехали в Рузу.

### *Руза*

После тяжелой болезни о. Михаил на свежем воздухе и в тишине немного поправился и вновь начал свои молитвенные подвиги, которые не прекращались до последних дней его жизни. Молился обычно он по ночам. Расскажу только об одном случае, свидетелями которого были 14 человек.

Совершенно неожиданно приехали в один день к отцу его духовные чада из Москвы, Минска, Просека (под Нижним Новгородом), из Троице-Сергиевой Лавры. В этот день батюшка встал на молитву в 3 часа ночи (у него была маленькая комнатка, в которую он уходил молиться). Встретили гостей, приготовили завтрак, а батюшка всё не выходит и не выходит. Тогда все тоже встали на молитву. Молимся. Мы все вместе долго молились и пели «Отче наш», «Помилуй нас, Господи, помилуй нас» и другие молитвы; прочли Евангелия от Марка и Луки. Через пять часов нашего молитвенного стояния гости, приехавшие издалека и не спавшие всю ночь, уже не могли держаться на ногах и без сил повалились отдыхать. А батюшка продолжал стоять на молитве.

Время идет час за часом, уже 13 часов, а батюшка всё не выходит. Батюшка стоит на молитве уже 10 часов, с 3 часов ночи!

Мы обратились к о. Михаилу: «Батюшка, давайте мы все Вам поможем, только скажите, что нам читать и как нам молиться?», надеясь, что таким образом он быстрее закончит свой молитвенный подвиг. А батюшка ответил: «Вам не под силу мне помочь!» — и продолжал молиться ещё три часа.

И несостоявшийся завтрак, и разогретый обед давно остыли. Батюшка молился 13 часов после тяжелой болезни, стоя на больных ногах! Лишь в пятом часу вечера батюшка окончил свои молитвы. Мужчины помогли ему дойти до постели и лечь, он еле двигался.

Мы опять в полном недоумении — неизвестно, сколько потребуется времени ему на отдых после такого стояния. И, не дожидаясь его подъема, стали подходить к нему под благословение. Проходит 30 минут, батюшка поднимается и как ни в чём не бывало идёт к столу, улыбается. Можете себе



представить состояние всех присутствующих!? Все были предельно поражены этой переменной — улыбающимся видом нашего дорогого батюшки. Все сразу забежали, стали разогревать обед.

Вот как описывает этот случай отец Владимир Антипин (Нижний Новгород): «Смирение батюшки. Когда мы приехали, то о. Михаил шесть часов стоял на молитве. Он находился в маленькой комнате, и мы не видели его, но только слышали, как он пел: “Милосердия двери отверзи нам”, и иногда слышен был плеск воды. Мы прочитали Евангелие от Марка, потом от Луки и ещё что-то, а он не выходил. Вера Александровна иногда заглядывала к нему и говорила: “Отец, к тебе же приехали, выходи!” — но он не отвечал. Так длилось до 16.15. В 16.15 отец Михаил вышел. Он стоял на молитве 13 часов. Поддерживаемый с обеих сторон, он прошёл в свою комнатку и лёг на постель. Мы, конечно, не смогли дать ему покой, но встали под благословение. Этот случай был при свидетелях, а сколько ночей он простоял на молитве один? Бог весть».

16 декабря 2004 г. идём с батюшкой из бани (в 100 метрах от дома). Вьюга метёт, снег, отец еле-еле передвигается в больших валенках и вдруг говорит мне: «А ты знаешь, мне скоро предстоит великое переселение». Я смеюсь и отвечаю: «Интересно, и куда же?». — «Куда повезёшь». — «Ну, куда скажешь, туда и повезу».

Жить у Полины в Рузе нам очень нравилось. В доме мы собирались сделать хороший ремонт, расширить помещение для того, чтобы сюда могли приезжать духовные чада батюшки и оставаться на ночлег. Уже подсчитывали, сколько понадобится приобрести разного материала. В общем, рассчитывали там жить долго.

Прошел месяц после того, как отец мне сказал, что ему предстоит «великое переселение».

11 января 2005 г. к батюшке приехали духовные чада из Минска. Было много разных разговоров о том, чтобы им перебраться сюда, поближе к духовному отцу, а для этого приобрести в деревне маленький участок, они даже пошли узнавать у сельчан цены на дома.

И вдруг отец Михаил говорит мне: «Дай-ка мне карту». Я отвечаю: «Какую карту и зачем она тебе?». Карты под рукой не оказалось, тогда он говорит: «Дай мне листок бумаги и карандаш». Подаю ему бумагу и карандаш. «Я знаю, куда мне надо ехать, — рисует и продолжает говорить. — Вот сначала мы поедем прямо, потом повернём направо и будем ехать долго-долго, там стоят три дома, а рядом монастырь. Вот я там и должен жить».

Когда духовные чада из Минска вернулись после обхода деревни, не найдя никаких вариан-

тов покупок, я им говорю: «Да мы же к вам едем!». От такой новости они просто остолбенели, даже привалились к стене, смотрят друг на друга, не понимая, что происходит. Пошли мы все вместе выяснять, насколько серьёзно батюшка говорит о поездке в Белоруссию. «Да, да, — отвечает он, — надо ехать и очень быстро».

Конечно, минчане до этого много раз приглашали нас к себе, но батюшка не ехал, а всё отвечал, что нет на это воли Божией. А здесь такая неожиданность и спешка! Они не готовы были в настоящий момент нас принять.

Я опять говорю: «Отец, ну пусть они поедут вперёд, а мы подъедем потом». «Нет, нет, — категорически возражает он, — едем все вместе». Я ничего не понимаю, говорю: «Отец, да не сон ли тебе приснился? Откуда ты это взял, что нужно срочно переезжать? Ведь мы к Полине столько вещей привезли, жить собирались, а теперь, что, и вещи все перевозить?». Он отвечает: «Да, да, всё забираем».

«Боже, — думаю я, — да что же это такое? Неужели правда опять предстоит новая тяжёлая поездка со всеми вещами?». Но делать нечего, начала собираться. Поставила сумки для сбора вещей, одну собрала, опять подошла к отцу: «Батюшка, да правда ли, что все вещи собирать и мы едем?». — «Да, да, едем».

Полина тут разрыдалась и с причитаниями говорит: «Это я вам не угодила, раз батюшка хочет уезжать». «Да что ты, Полина, — говорю я ей, — нам было здесь так хорошо. Но ты видишь, делать нечего, это воля Божия». На сборы со слезами и волнениями ушло два дня. Полина плачет, Верочка Александровна протестует, говорит: «Я никуда не поеду, мне здесь очень хорошо». Стоило больших трудов объяснить Верочке, что мы едем по воле Божией.

Настал день отъезда. Очень рано утром наша Верочка собралась самая первая, чем удивила всех слышавших о ее категорическом отказе уезжать отсюда. 13 января Вера Александровна вместе с минчанами отправилась в Белоруссию на машине прямо из Рузы.

Я ещё работала в храме и мне необходимо было предупредить, что уезжаю на неопределенное время (в храме знали, что ухаживаю за больным батюшкой).

Приехали мы с ним в Москву. Батюшка встал перед иконами и говорит: «Как здесь хорошо, зачем же я куда-то поеду?!». У меня сердце защемило от этих слов. Но отец тут же спохватился и говорит горячо: «Господи, Господи, прости меня, ведь это Твоя Воля». Я опять в растерянности спрашиваю: «Батюшка, мы едем или нет?». — «Едем, едем, иди

за билетами». Теперь я понимаю, что этот батюшкин вопрос к Богу нужен был именно нам, сомневающимся, — не искушение ли вся эта поездка?

Батюшка всю свою жизнь старался жить по воле Божией, и тут вновь испытание: ему под 90 лет предстоит переселение куда-то в неизвестность. Уезжая, я не имела никакого понятия, на какой срок мы едем. Я спрашивала отца: «Как быть с нашими московскими вещами?». Он благословил как можно больше везти в Белоруссию на новое место жительства. В Москве пошли разные разговоры по этому поводу, но переезд осуществлялся по благословению батюшки. Я по своей воле ничего не делала.

### *Белоруссия*

Сначала хочется коротко сказать следующее. В Белоруссии в 2005 году, как и на Украине, назревала оранжевая революция, и в это время девяностолетний о. Михаил вдруг, к удивлению всех своих духовных детей, отправляется из России туда. Мы селимся у наших белорусских друзей при монастырском храме и начинается сугубая молитвенная жизнь батюшки, с частыми и долгими стояниями на коленях в своей келье. Обстановка в стране уже стала видимым образом накаляться. Однажды священник, который служил в нашем храме, говорит мне, что на этой неделе много прольётся крови (а он был в курсе происходящего). В самый день ожидаемых трагических событий о. Михаил особенно долго молился, и сказал нам потом, что была настоящая битва. Тогда самого страшного не произошло, кровь не пролилась, анархия не захватила людей. В 2014 году одна моя знакомая рассказала мне о тех событиях, которые ей были известны в подробностях от своей белорусской знакомой, у которой сын работал в те годы в охране Лукашенко. Она сказала, что в 2005 году готовилась целая революция, но кто-то донёс и всех руководителей назревающего бунта тогда пересажали.

На место, где мы жили в Белоруссии, не раз посылали провокаторов и всяких темных личностей. Однажды пришли два молодых человека, говорили и расспрашивали батюшку целый час. Смотрю я на батюшку, а он глядит на них с легкой улыбкой так, словно видит их насквозь, и безошибочно читает их мысли: «Кого вы пришли искушать, вы еще зелены». Он не произнес ни одного слова, с тем они и ушли. Или в другой раз, встречаем важных гостей (имена я не называю, они все живы), пьем чай, идет оживлённый разговор, гости рады встрече с батюшкой. А наш батюшка молчит и молчит, так ни одного слова не проронил. Мне самой пришлось поддерживать разговор, что-то спрашивать,

на что-то отвечать. Посидели гости, ушли. Я спрашиваю: «Батюшка! Да что же это ты ни одного слова не сказал нашим дорогим гостям?». Он мне на это: «Они хитры, а мы еще хитрее».

А о других в таких случаях говорил: «Они не за тем пришли». Или еще был случай. Приходит к нам один из высокопоставленных белорусских чиновников и обращается к батюшке: «Меня уволили с работы, но я могу восстановиться, я устрою большой скандал, как вы, батюшка, благословите восстанавливаться?». Батюшка его спрашивает: «А ты поляк?». Произошло замешательство. Когда тот пришел в себя, ответил: «Знаете, батюшка, неделю назад я узнал, что я поляк». Отец ему в ответ: «Так что же ты работаешь на тех и на других?». На этом разговор окончился. Распрощался поляк с нами и ушел. И таких случаев было немало. Но вернемся к началу белорусской жизни.

Приехали мы в Минск 15 января 2005 года поездом в шесть часов утра. До места нашего пребывания нужно было добираться ещё 16 км. Когда подъехали к месту, я увидела три дома, точно такие, какие на бумаге рисовал батюшка, в стороне располагалась территория будущего монастыря. Я не удержалась и воскликнула: «Смотрите, дома-то один в один как на батюшкином рисунке, и монастырь тут же, в стороне».

В одном из этих трёх домов мы и расположились. В монастырь мы переехали только через месяц, потому что для нашего проживания там ещё не всё было подготовлено. Помещение, в котором нам надо было жить, пришлось спешно перестраивать. Когда мы сюда переехали, батюшка поднялся на второй этаж и сказал: «Вот здесь я и умирать буду». Ещё находясь в Москве, батюшка неоднократно говорил за столом: «А умирать я буду не дома». Никто не решался спросить: «А где же?». Меня всегда тревожила мысль: «Неужели же его снова посадят в тюрьму?».

Так началась наша жизнь в монастыре. Отношение к нам было столь хорошее, что самые малейшие наши просьбы, хотя и скромные, выполнялись мгновенно. Если что-то требовалось, раб Божий Никон в любое время дня и ночи ехал и привозил всё, что нужно, без промедления.

Мы приехали в январе, но снега в Белоруссии ещё не было, и Верочка Александровна украсила свою комнату букетом свежих осенних цветов, которые она сама собрала в саду. А весной, как только появились первые подснежники, Верочка ежедневно приносила новые букетики. Цветы пребывали в ее комнате вплоть до глубокой осени.

Летом на территории монастыря в изобилии росли белые грибы, которые мы тоже собирали. Верочка была счастлива, принося домой грибы,

радуясь, что она сама их нашла. Условия жизни в монастыре были прекрасные: тишина, покой, храм поблизости — всего в трёх минутах ходьбы. Монастырский храм — поразительно красивый, деревянный, очень уютный и благодатный.

Жизнь в монастыре за этот короткий срок пребывания — это один сплошной молитвенный подвиг нашего батюшки. Однажды сидим мы за столом, как обычно, я спрашиваю отца, что он будет кушать, а он не отвечает, молчит. Я начинаю перечислять, что у нас есть: каша, салат и так далее, но он продолжает молчать. Тогда я спрашиваю его: «Почему ты ничего не отвечаешь, может быть, у тебя горло болит?». Молчит. Спрашиваю: «Что с тобой, почему ты ничего не отвечаешь?». Молчит. «Тебя что, парализовало?». Продолжает молчать. «Да что же с тобой такое? — уже совсем расстроившись, говорю я, — ну ты произнеси хоть одно слово, чтобы я знала, что случилось». Батюшка опять молчит. Тогда я говорю: «Ты, наверное, взял обет молчания?». На это он кивнул головой. Говорю ему: «Давно бы так и сказал, и не заставлял меня переживать».

А до этого момента он велел, чтобы я передала всем духовным чадам: никому сюда не приезжать. На это я ответила, что этого сделать не могу, так как никто не поверит. И действительно, уже и без того много ходило разных разговоров о нужности и ненужности переездов. Говорили, что батюшку увезли силой, что он слабенький и им командуют, как хотят. Были звонки в Просек (Нижний Новгород) к отцу Владимиру, которому также объясняли, что отец Михаил — батюшка московский и его надо вернуть в Москву. На это о. Владимир тогда ответил: «Плохо вы знаете батюшку или даже совсем его не знаете, если рассуждаете так. Батюшка живет по воле Божией, а не по чьей-то указке».

25 марта 2005 г. я собрала батюшку и Верочку, побыть на улице. Для этого вынесла стулья, посадила их на солнышке и говорю: «Ну, подышите воздушком на солнышке». Не прошло и 10 минут (а я пошла в дом немного почитать) возвращается Верочка и говорит: «Тебе дела нет, а отец там валяется на снегу». «Боже! Что случилось?». Выхожу на улицу — оказывается, Верочка повела отца к храму, а снега кругом было по пояс. Он потерял равновесие и упал прямо в снег. В доме никого не было, только далеко возле проходной находился сторож. Что делать? Пришлось одной поднимать батюшку, а он тяжелый, одет по-зимнему тепло, с трудом подняла, но чуть было не упала вместе с ним в снег. Взмолилась: «Господи! Что делать, сейчас упадем, и поднимать будет некому». Господь помог, устояли и потихоньку вернулись в дом.

Но здоровье батюшки постепенно угасало, всё с большим трудом он поднимался с постели, ноги отказывались ему служить. Но Господь его хранил, для нас. Батюшка был уже болен, и каждое утро поднимался в разное время, в зависимости от того, как проходила ночь, но обычно просыпался не позже 10–11 часов. А тут как-то ждем его, уже час дня, а он все не выходит. Сама я никогда его не будила, а здесь забеспокоилась, в чем дело, не плохо ли ему. Ровно в час дня в монастырь приехали на двух автобусах паломники, с ними два священника — взять благословение у батюшки. В Минске уже многие знали, что приехал отец Михаил из Москвы. Встретила я их и говорю: «Простите отцы, батюшке, наверное, плохо, он еще не поднимался». Но священники с сомнением отнеслись к моим словам, и я предложила им самим зайти и посмотреть на батюшку. Они зашли и видят, что отец Михаил лежит лицом к стене, закрыт одеялом, дышит ровно и спокойно. Не став его беспокоить, они откланялись, извинились, что без предупреждения приехали, и сказали, что ждать у них нет времени.

Как только автобусы отъехали, я пошла в комнату батюшки посмотреть, как он себя чувствует (окна его комнаты выходили прямо на дорогу, и отсюда было видно, как уезжают автобусы). Не успели они завернуть за угол, как отец отбросил одеяло, как будто бы устал ждать, сна ни в одном глазу не видно, и поднялся. Я ему говорю: «Батюшка, что ты сегодня так долго спишь, у нас гости были, пока ты отдыхал». Он говорит: «Да я всё знаю».

Отец действительно «всё знал», как не раз это выяснялось, но скрывал от людей свою прозорливость под старческой немощью, больше молчал, как будто ничего не слышал и не понимал. Но когда он видел, что пришли люди, которые готовы его услышать и выполнить его благословение, — с такими людьми он вел себя как старец-духовник, он отвечал на их вопросы и давал совет.

Молитвенные подвиги, которые отец совершал в монастыре, превосходили человеческие возможности. После всех перенесенных им болезней, о которых я уже говорила, при больных отмороженных пальцах на правой ноге и все время отекавших, распухших ногах, он мог выстаивать на молитве по 7 часов, с 10-ти часов вечера до 5-ти часов утра. Никогда не жаловался и не стонал. Ночные стояния его были почти ежедневными. Однажды после ночной молитвы (а было 4 часа 30 минут утра) он попросил у меня кисло-сладкого чая, присел за стол на час, а в 5 часов 30 минут снова встал на молитву. Это было утро 30 марта 2005 года, в эту ночь батюшка молился до десяти



часов утра. Это был особенный день, он просил меня записать, что «произошло большое событие». Немного отдохнув, присев на стул, в 12 часов 30 минут он снова встал на молитву. Завтрак у нас был в этот день в 4 часа дня. В четверг 31 марта он молился до полного изнеможения, когда уже ноги перестали его держать, я довела его до постели и уложила, завтрак так же, как и накануне, перенесли на 3 часа дня. Вечером этого же дня он опять встал на молитву. Спать пошел в 12 часов ночи. 1 апреля я не услышала, когда отец поднялся утром, но было еще темно. Я обрадовалась, что он сам поднялся, поэтому лежала не беспокоясь, а в 6 часов 30 минут ко мне подошла взволнованная Верочка со словами: «Отец лежит на полу». Я подхожу и вижу батюшку действительно лежащим на полу. В доме в этот день кроме нас с Верочкой никого не было. Мне с трудом удалось поднять отца, довести до дивана, но спать он опять не лег, а продолжил молиться, сидя на диване, и только часам к 12-ти дня заснул. После падения и ушиба у него практически отказала правая нога.

5-го апреля отец встал в 7 часов утра, с трудом передвигаясь, пошел на молитву, а в девять утра я слышу – раздался стук, батюшка снова упал, на этот раз сильно расшиб себе палец на руке об острый металлический конец своей коляски. Ушибленный палец потом очень долго болел.

21 апреля он себя чувствовал очень плохо, покрылся весь сыпью, начался очень сильный зуд, мы не знали, что и делать. Но он продолжал молиться. Мы тоже все встали на колени и стали читать канон за болящего, много молились за него в это время.

22 апреля, когда я готовила обед, а он сидел у себя на кровати, в 17 часов слышу стук, бегу и вижу, что батюшка упал около стола и батареи, как только не расшибся, не знаю.

27 апреля отец опять упал, поднимаясь самостоятельно с постели.

27 июня в 4 часа утра я просыпаюсь от стука, понимаю, что опять упал батюшка. Прибегаю и вижу, что он, встав с кровати, дошел до стола и, видимо, попытался сесть на стул, но упал. В этот раз поднимали его отец Никон и Галя из Пушкино, приехавшая к нам в гости. Его хотели поднять, но он попросил дать ему прийти в себя, сидя на полу, в этот раз он сильно расшиб себе ногу около косточки. Она долго потом у него болела, была вся распухшая, но он не произнес ни одного слова, и я долго не знала, что нога у отца распухшая в результате падения. В ту ночь я пробыла у его кровати до 7 часов утра, думая, что может потребоваться какая-то помощь, а в 7 часов 10 минут пошла прилечь. В 7 часов 40 минут я проснулась от не-

понятного шума, вижу, что батюшка снова сидит на стуле за столом. Как-то он сумел подняться и дойти до стола без палки. И это после такого сильного ушиба.

За период с 1-го апреля по 27 июня он падал у нас девять раз. Можно задать вопрос: «Почему мы плохо смотрели за больным человеком и допускали, чтобы он так страдал?». Да, это справедливо, но мы делали всё, чтобы этого не происходило, а батюшка по непонятным нам причинам всякий раз уходил в эти минуты от нашего внимания и опеки. На наши просьбы не вставать без нас, всегда звать нас на помощь, он никак не реагировал, а поступал так, как считал нужным. Он старался нас ничем не беспокоить. Даже терпя безропотно боль, он не хотел нас обременять своими страданиями. Ни одного стога, ни одной просьбы о чем бы то ни было, ему все, что касалось ухода за ним, было хорошо.

1 октября у нас в гостях был Владыка Филарет Минский.

4 ноября у нас была наша Лена, с ним сделался легкий инсульт, но потом сказали, что это нарушение головного кровообращения, и действительно постепенно это прошло.

12 декабря. Батюшка упал десятый раз. В 9 утра сидел в коляске, читал Евангелие, стал самостоятельно вставать и упал.

Без батюшки мы никогда не садился за стол кушать. И вот прошло время завтрака, обеда и ужина, а батюшка всё не идет и не идет. Времени 11 часов ночи, отец Никон спрашивает меня: «Батюшка придет кушать?». «Не знаю» – говорю. Предложила ему хотя бы чаю попить, но он отказался: «Без батюшки не буду». И пошел отдыхать. Чуть позже появился батюшка, и мы в 11 часов 30 минут ночи, первый раз пошли пить чай.

Недели за две до его кончины приехал из Твери отец Димитрий – с большим горем, у его дочки обнаружилось тяжелое заболевание – рак. И он стал просить батюшку помолиться (а как он нас разыскал, это особый рассказ, он по интернету обращался ко всем: «Откликнитесь, где находится отец Михаил Труханов», и Господь услышал его), а еще он привез целый список имен болящих детей, которые лежали в одной палате с его дочкой. И батюшка начал молиться за этих детей. Как же он за них молился! Простите, но я чуть ли не отнимала у него этот список, для того чтобы увести его отдохнуть, покушать, а он забывал и про еду, и про время, и про свои тяжелейшие недуги. Я не выдерживала, выходила из себя, ругала отца Димитрия. Дескать, батюшке из-за плохого здоровья и старческой немощи теперь самому не до себя, а он потерял всякий покой из-за этих детей, спи-

сок с их именами не выпускает из рук, спать даже с ним ложится. Уже на похоронах о. Михаила я упрекнула отца Димитрия, сказав, что из-за него батюшка умер. Прошу меня, Христа ради, простить: конечно же, я была не права. Но не смогла сдержать своих чувств, потому что видела, как батюшка, себя не жалея, теряя последние силы, молится за детей, хотя прекрасно осознавала, что время ухода батюшки неумолимо наступает.

За сорок дней до своей смерти он мне говорит: «Я открою тебе тайну, но чтобы ни один человек об этом не знал, мне осталось здесь быть с вами 40 дней». И, несмотря на это, я обвинила отца Димитрия, что он виноват в скором уходе от нас батюшки. От моих слов тогда у отца Димитрия потекли слезы, и он ушел с клироса, где молился во время отпевания.

Я часто думала: «А как же сейчас дочка о. Димитрия?». И Господь утешил меня. В сети Интернета священник Димитрий Каспаров сообщил (14.04.2006, 19,13): «Братья и сестры, Господь сподобил меня увидеть отца Михаила незадолго перед его кончиной. Я просил батюшку помолиться об исцелении моей дочери Дарии (у неё рак лимфоузлов 4 стадии) и о лежащих вместе с ней в больнице детях. Сейчас состояние её здоровья улучшается, опухоль уменьшилась в размерах. Так получилось, что я был практически последним, кто просил святых молитв отца Михаила при его земной жизни. Теперь он стал к нам ближе, мы с вами всегда можем обращаться к нему за молитвами. Храни вас Бог. Христос Воскресе».

Смерти батюшки предшествовала болезнь. Заболели мы все гриппом, сначала заболела я, за мной – Верочка. Она болела так сильно, что мы опасались за ее жизнь; она теряла сознание, от сильнейшего кашля все время задыхалась. После Верочки заболел отец Никон. Он говорил, что в своей жизни так никогда не болел, чтобы три дня пролежать, не поднимаясь, с температурой 39-40, а потом еще неделю, такого с ним не было. Последним заболел батюшка. Но до этой болезни было следующее. Он подкашливал давно, я попробовала заварить ему травы от кашля, а он за трапезой вдруг меня спрашивает: «Что это ты мне даешь?». Отвечаю: «Травку от кашля». Тогда он стискивает губы, и мой отвар льется мимо рта. Говорю: «Отец, что ты делаешь, ведь тебе же нужно лечение, ты кашляешь». На мои слова – полное молчание. Батюшка определенно не хотел лечиться, и это меня настораживало. Недели за две до этой болезни я поняла, что отец готовится к переходу от нас, и принципиально ничего не хочет принимать из самых простых лекарств. Ведь ранее он никогда не отказывался от лечения травами, всегда охотно пил отвары.

### *Последние дни*

В воскресенье 12 марта 2006 года у нас были гости из Москвы, батюшка сидел за столом, состояние его ничего плохого не предвещало, кушали, разговаривали, потом проводили гостей, все было хорошо. В понедельник он почти не завтракал, было 11 часов 30 минут утра, когда отец попросил отвести его на кровать. Вижу по его виду, что ему становится плохо, померила температуру – около 38°. С ним это было крайне редко. Тут же уложи его в постель, а он сложил руки, протянув их немного вперед как бы для молитвы, взор его стал в этот миг напряженно молитвенным, и я поняла, что происходит что-то необычное. Он, как лег, так до смерти, которая наступила 16 марта в 19 часов 40 минут, не проронил ни одного слова. Только кивнул головой на предложение пособоровать, потом в другой раз, когда предложили его причастить.

В понедельник в ночь положение его еще не казалось опасным, но уже во вторник видим, что дело плохо. Во вторник мы вызвали врача. Он нам сказал: «Сейчас ходит такой тяжелый грипп, что и молодые и здоровые люди очень тяжело болеют. Дайте ему отлежаться. Надо немножко подождать, а там посмотрим, что делать». Мы предложили батюшке пособороваться, он не отказался. Вызвали из Москвы его духовных чад, в среду приехал из Сергиева Посада отец Владимир Янгичер, пособоровал батюшку, но причастать не стал, так как тот плохо глотал, а в четверг из Просека приехал отец Владимир, он батюшку причастил. В четверг утром из Москвы приехал отец Андрей. Батюшка себя чувствовал совсем плохо, тяжело дышал, даже не пил. Мы, все еще на что-то надеясь, к вечеру вызвали «скорую помощь», но врач сказала, что «мы уже опоздали, больной в очень тяжелом состоянии и навряд ли мы его успеем довести до больницы, вот хотя бы часа на два раньше, может быть, и помогли бы». Эти слова врачей нас смутили, и мы точно забыли, как наш батюшка всегда в проповедях говорил и нас поучал, причем неоднократно: «Вот мы говорим, что, если бы врач не опоздал, так человек жил бы, но не так, рабы Божии, не так, без воли Божией ничего не бывает, а значит, и врач задержался, чтобы была исполнена воля Божия о человеке». Но мы до этого еще духовно не доросли, мы хотим как по-человечески, а не как по-Божьему. И мы приняли решение везти отца в больницу вместо того, чтобы по-христиански со свечой в руках прочитать канон на исход души, видя, что батюшка отходит. Едем на «скорой» в больницу, в приемном покое врачи делают отцу кислородную маску, мы ожидаем

в коридоре. Буквально через 5–10 минут выходит врач и объявляет нам: «Ваш больной скончался». Теперь трудно даже сказать, довезли ли мы его живым в больницу или он скончался по дороге, а врачи не хотели нас сразу пугать. Так исполнились слова нашего дорого батюшки: «А умирать я буду не дома». Стоим мы в смятении у тела почившего батюшки в приемной, подходит ко мне врач и говорит мне: «Закройте ему глаза». Я подошла и закрыла ему глаза, прижала подбородок, и сразу даже не вспомнила того, как он мне не раз говорил последнее время: «Ты от меня далеко не отходи, я хочу, чтобы ты мне закрыла глаза». И только спустя несколько дней я вспомнила эти слова и была удивлена, как в точности исполнилось его желание.

В том, что мы повезли его в больницу, тоже была воля Божия, ведь мы жили в другой стране, в Белоруссии, без прописки, к врачам никогда не обращались, и вдруг — покойник. Сколько потребовалось бы хлопот, чтобы получить документы на смерть: милиция, морг и так далее. Да когда бы мы получили тело из морга еще неизвестно. Врачи долго совещались, что им делать в этом случае. Время было 19 часов 40 минут вечера, начальство отсутствовало, в больнице находились только дежурные врачи. Они все время без конца кому-то звонили, не зная, что предпринять, а потом говорят нам, что мы должны забрать покойного в морг. Но Господь всё управил. Батюшку всё же разрешили увезти домой, и мы опять на «скорой помощи» привезли его домой, причем уже с документами о смерти. Так что батюшка и здесь освободил нас от всяких хлопот.

Вернулись мы домой с новопреставленным батюшкой около 9-ти часов вечера. Сообщили в Москву о его смерти, также я сообщила митрополиту Филарету Минскому, который был очень удивлен неожиданной кончине батюшки. «Что с ним случилось?» — задал он мне вопрос. Говорю: «Тяжелый грипп, 3 дня и всё». Наутро Владыка отслужил панихиду, сказал прощальное слово нашему батюшке, назвал его «святым человеком», призывая всех ему подражать.

С владыкой Филаретом батюшка был давно и тесно связан. Когда он учился в МДА, владыка Филарет был там ректором. Позже отец Михаил работал у него переводчиком богословской англоязычной литературы, когда долгие годы находился за штатом и жить было ему совсем не на что. В батюшкином корреспондентском архиве хранится около 40 писем от митрополита Филарета.

Облачал батюшку отец Владимир из Просека. Помогали также иеродиакон Аввакум из Троице-Сергиевой Лавры и диакон Андрей Никольский,

духовные чада батюшки. Как только покойного облачили, сразу же его вынесли в храм, где он и находился до отправления в Москву. Всю ночь и день около батюшки молились близкие ему люди, читали Евангелие, духовенство служило панихиды.

Целый день шло прощание с батюшкой духовных чад из Минска, к обеду подъехал служащий у них священник, отец Алексей, который и пробыл около гроба до времени нашего отъезда в Москву, т. е. до 10 часов вечера. Когда мы стали собираться в дорогу, отец Алексей посоветовал мне обложить тело батюшки мягкими вещами, чтобы его в пути не растрясло. Я взяла с постели свое одеяло, подушку и другие вещи, тело плотно обложили, и в 10 часов вечера на автомашине мы с Богом тронулись в путь. В Москву мы приехали утром в субботу, подъехали к дому, постояли немного, разгрузили вещи и поехали в храм «Воскресения Словущего» на Ваганьковское кладбище. Похороны были назначены на понедельник, так как все священнослужители в воскресенье были заняты и не имели возможности приехать на отпевание.

Были свои трудности и на Ваганькове. Пришла я в храм, чтобы договориться со старостой о возможности оставить батюшку в храме до отпевания на два дня. Она спрашивает: «А заморозка есть?». Машинально отвечаю: «Конечно». Хотя какая у нас могла быть заморозка? Но сейчас без заморозки в храм на ночь не разрешают ставить покойников. Батюшкин гроб в храме простоял двое суток, шли непрерывные панихиды и непрекращающийся поток людей, желающих проститься с батюшкой.

### *Прощание*

На понедельник, после Литургии, было назначено отпевание. Девятнадцать священнослужителей и пять диаконов совершали чин отпевания, храм был полон народа, много священнослужителей стояло среди молящихся. Хор пел торжественно, как на Пасху, хотя был Великий пост. По окончании отпевания шесть священников на руках несли гроб до могилы, около могилы снова лития. Ввиду огромного множества народа, трапезу пришлось делать и в помещении, и на улице. В помещении было два приёма — кормили около 100 человек, на улице — около 700 человек. Накормить в один день более 800 человек не так просто, да еще на улице. Не прошло и без искушений. Состоялся серьёзный разговор с грозной старостой Н.А.

Далее мы просили на отпевание больше никого не ставить, кроме батюшки, т. к. есть еще храм, где отпевают, но все-таки поставили еще одну покойницу.

Маленький мальчик взял из руки покойного батюшки крест и долго его целовал.



И в конце на могиле после захоронения вместо «Со святыми упокой» запели «Многая лета», — так хорошо было на душе у людей, что забыли, что уже нет батюшки.

### МАТУШКА ВЕРОЧКА

Когда я впервые познакомилась с отцом Михаилом, я его спросила: «А как мне обращаться к матушке?». Он ответил: «Верочка, её так все зовут, и ей это нравится». И на самом деле так до 98 лет она была Верочка. Помогать ей я начала с 1974 года, а с 1985 года мы стали жить с ней вместе в одной комнате. О своем знакомстве и жизни с отцом Михаилом она описала сама в книге «Воспоминания духовных чад». Познакомил её сослуживец Василий Петрович. Встретились они на всенощной в Богоявленском соборе 14 декабря 1940 года, а 25 февраля 1941 года его арестовали. В течение 15,5 лет она не оставляла его, помогала, молилась и морально поддерживала. Его маме посылала по возможности деньги. Ездил к нему в тюрьму, передавала Св. Дары, позже, получив их от о. Александра, отправляла их посылкой. По его освобождению заключила с ним брак, чтобы дать ему возможность учиться в Москве, о чём он мечтал всю жизнь. После окончания учебы, а затем рукоположения началась его новая страдальческая жизнь, и матушка Верочка была всегда его помощницей. Служил он, как правило, далеко от места жительства: батюшка с палочкой (ведь у него отморожены пальцы на ноге), матушка с сумками за плечами, причём они всегда и везде ездили только городским транспортом и электричками, так добирались до места служения. Едут в метро, батюшка всегда становился в угол, освободится место, Верочка подойдёт и тащит его, чтобы он сел, но он не идёт, и Верочке за это доставалось, и не раз. Были годы, когда батюшка не был известен, и все трудности они переживали одни без помощников, а это целых 30 лет, начиная с 60-х и до 90-х годов. Верочка окончила музыкальную школу, знала порядок службы, четко и ясно читала. Поэтому, когда батюшка получил назначение в храм Преображения Господня села Бесово, Верочка там проводила службы, организовала народный хор, что также имело большое значение для увеличения количества прихожан, которые потянулись в церковь. Везде, где пришлось служить батюшке, Верочка принимала участие на клиросе, его украшала, ведь батюшке приходилось служить в храмах, где почти некому петь.

Батюшка всегда кормил людей, а готовила-то матушка. Повар она была никудышный, батюш-

ка всегда смеялся. Верочка хорошо варит яички всмятку, не переварит. Но у неё хорошо получался рыбный плов. Как все говорили: «Коронное блюдо Верочки». Верочка несла все тяготы с батюшкой, в службе помогала и читать, и петь. Каждый день принимала людей: надо приготовить, встретить, накормить, убрать, а это труд не лёгкий.

В преклонном возрасте, когда Верочка стала побаливать, у неё появилась интересная привычка. Она ни разу не попросила покушать, а если сама захочет, то обращалась так: «Валечка, ты хочешь покушать?». Отвечаю: «Да». Значит, надо кормить Верочку.

Когда не стало уже батюшки, у нас собирались гости, Верочка любила читать стихи, у неё была хорошая память. Любила стих «Одуванка», (особенно выразительно, протяжно она произносила «А проснулась я — старушка»), который многие записывали под её диктовку. Читала выразительно. Это было стихотворение дореволюционного поэта Петра Соловьева.

Там, на речке, где лесок,  
А за лесом и полянка,  
Вырос желтый цветок  
По прозванию Одуванка.  
Был он ярок, золотист,  
Словно маленькое солнце,  
Кверху поднял длинный лист,  
Как резное веретене.  
От берез ложилась тень,  
Мошकारа кругом плясала.  
Одуванка целый день  
До упаду хохотала:  
«Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!»  
Как смешны седые мхи!  
Старички ужасно строги.  
Как смешны поганок ноги...  
Шляпки — словно крыш верхи...  
Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!»  
Старый дедушка седой,  
Одуванчик родом тоже,  
Смех услышал золотой,  
И ворчит: «На что похоже!  
Что за глупый этот смех!  
Головой качает строго.  
Так смеяться даже грех:  
Старость тоже ведь от Бога».  
«Как смешно-то, ой-ой-ой!»  
Одуванка повторяет.  
Дед качает головой  
И сединочки теряет.  
«Погоди, — промолвил дед, —  
Одуванка золотая,  
Золотой не долгов цвет:

Тоже будешь вся седая».

В ту же ночь сбылись слова:

Пробуждается полянка,  
Смотрят мхи, кусты, трава –  
Вся седая Одуванка.

«Ах, беда моя, беда!

Горько плачет хохотушка.

Засыпала молода,

А проснулась я – старушка».

В 2007 г. Верочке исполнилось 94 года. Мы с Сережей (ныне покойный иеромонах Макарий) и Ириной отправились по святым местам, заехали в Ростов великий, побывали в Свято-Введенском Толгском женском монастыре (там мы встретили монахиню, которая туда поступала по благословению отца Михаила), нас хорошо встретили, накормили. У них принято проходить под иконой Толгской Божией Матери, и наша Верочка ни один, а несколько раз проползала под иконой. Всегда у неё было хорошее настроение, она всегда всех нас веселила. Затем побывали в Троице-Сергиевом Варницком монастыре, родине прп. Сергия Радонежского, а оттуда направились домой к Ирине – это в 5–10 км от этого монастыря.

На следующий год Верочке 95 лет. После дня её рождения мы отправились опять на дачу к Сереже с Ириной. Стояла жара, мы думали, что не довезем Верочку живой. На надувных матрацах мы все спали на улице. Верочка нам всю ночь декламировала разные пьесы («Война грибов» и др.), которые ставили в детском саду и не давала спать, велела её слушать.

Также всегда рассказывала всем: «Когда я была молодая, мы с Валечкой ездили в Чухлому», её спрашивают: «Верочка, а сколько вам было лет?». «Восемьдесят пять». А это всё было, когда ей было за 90 лет. Так вот вы, читающие это, в каком вы возрасте? В отроческом или младенческом? Спаси, Господи, Верочку, много она потрудилась на поприще Марфы, для батюшки и для людей во славу Божию.

В 1998 г. мы без батюшки с Верочкой и многими другими знакомыми поехали на Престольный праздник прп. Авраамия Городецкого в Покрово-Авраамиевский монастырь в г. Чухлому. Нас батюшка из дома провожал заранее, как всегда, а мы, как всегда, не послушались. Приезжаем в метро на станцию Комсомольская, поднимаемся по эскалатору, а по другой стороне вниз спускается Михаил, который с нами тоже должен был ехать, мы в недоумении. Смотрим на табло отправки поездов, а нашего поезда-то нет. По моему недосмотру оказалось, что наш поезд отправляется с Савеловского вокзала. Верочке 85 лет, сердце плохое, одышка. Спускаемся вниз

по эскалатору, ну, думаю, всё: никуда мы не попадём. Вышли на станции Савеловская, Верочка кричит во всю свою мощь: «ДОРОГУ, ДОРОГУ», все расступаются, мы бежим. Выбегаем на платформу. Верочка кричит: «Где шестой поезд?» – нам показывают. Впрыгиваем в последний вагон на ступеньки, кричим, что билеты с собой. Еле поднялись, Верочку на руках поднимаем. Только поднялись, и поезд тронулся, к своему месту проходили по вагонам. Думала, что Верочка по дороге скончается, но вот, слава Богу, мы в Чухломе на празднике.

Следующий наш приезд сюда был с батюшкой. Дом, где мы расположились, стоял на берегу Чухломского озера, красота необыкновенная. К монастырю есть две дороги: более близкая – мимо озера, но там очень крутой обрыв. В обход – немного подальше. Спрашиваем Верочку: «Какой дорогой сегодня пойдем?». – «Мимо озера». Нас было много (кроме батюшки), в тот раз с нами был Саша Стадник. Надо было видеть, как наша Верочка взбиралась по крутому оврагу, а наверху нас вытаскивали ребята. Смеху и радости было много.

#### *По кончине батюшке*

(Самое большое для меня чудо по молитвам отца Михаила)

Я спросила отца Михаила в последние дни его жизни: «Батюшка, а кто будет о тебе писать?». Он ответил: «Ты напишешь». Я растерялась: «Какой из меня писатель? Памяти совсем нет, да и вообще это не по моим силам!». На это он мне ответил: «То, что нужно, ты напишешь».

Десятки лет назад мне отец Михаил говорил: «Веди дневник и всё записывай, тебе это пригодится», а я, зная свои неспособности, даже не могла предполагать, что мне придётся писать воспоминания, и, как непослушное чадо, этого не делала. Теперь с трудом приходится вспоминать все события, и многое интересное, конечно, забыто.

Прошёл год после кончины о. Михаила. Надо было выполнять последнюю волю батюшки и начинать писать о нём. Но как? С чего начинать? Не знаю. Обратилась я к отцу Михаилу: «Батюшка, что же мне делать? Помогите, вы же знаете, что я ничего не умею». После молитвы чётко слышу внутренний ответ: «Подбери все документы и снимки с них копии». Сделала. И снова с вопросом к батюшке: «Отец, а что же дальше-то мне делать?».

В 5 утра я проснулась, ясно услышав голос: «Отдай книгу “Воспоминания: первые сорок лет моей жизни” Владимиру С., заплати ему, сколько просит, он отсканирует, и в неё будешь вставлять документы, а по ним будешь всё вспоминать». Утром звоню Владимиру и прошу срочно зайти. Пришёл сразу. Всё объяснила ему, попросила помочь.

Лет двадцать назад духовные чада подарили батюшке компьютер. Печатала все работы батюшке я на печатной машинке, и потому меня пытались обучить работать на компьютере. Но мне словно что-то мешало, я ничего не понимала. Первый компьютер мы кому-то подарили. Прошло десять лет, и вновь была попытка обучить меня работать на компьютере, и опять всё окончилось ничем. Так я и продолжала печатать на машинке.

Владимир отсканировал работу, денег, конечно, никаких не взял. Больше того, он приносит мне компьютер. Я в недоумении спрашиваю: «Зачем ты мне его принёс? Ведь я ничего не понимаю в этом и работать на нём не буду». Он мне объяснил, что с такой большой работой на пишущей машинке я не справлюсь. Строго приказал мне сесть за стол и начал объяснять, как работать на компьютере. Он просидел со мной почти три часа, обучая меня. После его ухода как будто пелена упала с моих глаз, и я поняла, как работать на компьютере.

Мне было 68 лет, образование у меня неполное среднее. Пришло время писать о батюшке, и я начала печатать на компьютере, обрабатывать тексты, сканировать и т.д., пользоваться Интернетом, скайпом, электронной почтой. Для кого-то это самые простые вещи, но для меня освоение этой техники — настоящее чудо.

Конечно, много трудностей я встретила при работе. Однажды нажала на что-то, и пропала вся моя работа в 160 страниц. Пригласила моего помощника Владимира. Он искал потерянное с пяти вечера до двенадцати ночи и подтвердил, что работа пропала. Взмолилась я батюшке: «Помоги, отец, у меня уже больше нет сил начинать всё сначала. Больная Верочка, целый день люди, работаю по ночам!». Какое же было счастье, когда утром включаю компьютер, а работа передо мной сама открылась. Когда я об этом сообщила Владимиру, он сказал: «Я подтверждаю это чудо, работа действительно пропала». Я с радостью поблагодарила Господа и батюшку.

Работаю дальше, страницы всё прибавляются, объём большой. Работать-то толком не умею. Опять взмолилась батюшке: «Помоги, мне тяжело, как быть? Людей просить каждый раз неудобно». Сразу осеняет мысль: «Да ты подели работу на части». И много было таких случаев, когда обращаешься с молитвой к батюшке, даже в мелочах, и тут же получаешь ответ.

Также в работе над книгой «Не могу не говорить о Христе» батюшка духовно был рядом и постоянно помогал. Приходили на память забытые обстоятельства его жизни тридцатилетней давности. Духовные чада стали подвозить свои воспоминания. Так отец Михаил собирал нас всех, чтобы

вспомнить о нём, и чтобы память о его служении Богу и людям не ушла вместе с нами, его чадами, а стала достоянием всех православных христиан, как стали достоянием Церкви его богословские труды.

### *Случаи после смерти батюшки*

Прошло двадцать дней после кончины батюшки. Просыпаюсь я в 3 часа ночи от удивительно хорошего состояния, мне так легко и приятно, не пойму от чего. Моя рука невольно коснулась одеяла, и я почувствовала его необыкновенную лёгкость, мягкость. Моя рука точно утонула в пуху. Я стала вспоминать, как и когда я приобрела такое чудное одеяло. И вспомнила, что это одеяло из гроба отца Михаила. Когда мы везли уже покойного батюшку из Белоруссии, отец Алексей посоветовал обложить его мягкими вещами, чтобы не растрясло в дороге. Я взяла с постели своё одеяло и положила в гроб к батюшке. А теперь он дал мне почувствовать блаженное состояние от одеяла, которое было около него.

За дверями на лестничной клетке молодежь оплевала весь пол жвачками. Думаю, ну чем же острым очищать мне пол, хожу и придумать не могу. Ну ведь, в самом деле, не ножом же обеденным! А я со всеми вопросами обращаюсь к батюшке. И спрашиваю его: «Отец, ну чем же мне очистить пол за дверями?». Вдруг ясно слышу голос: «В туалете у тебя кастрюля, а там лежит шпатель, вот возьми и чисть». И действительно, достала я кастрюлю, взяла шпатель и убрала за дверями пол.

Мне по делам нужно было встретиться с отцом Владимиром из храма Тихвинской иконы Божией Матери. Был будничным день, время обеда. Сажу и рассуждаю, когда мне удобнее поехать для встречи: ко всенощной или к Литургии? Вдруг настойчивая мысль: «Поезжай сейчас!». Думаю: «Сейчас службы нет, никого там нет, зачем я поеду?». Опять настойчиво: «Поезжай сейчас!». Я опять свое: «Да зачем я поеду, ведь службы-то нет?». В третий раз: «Поезжай сейчас!». Ну ладно, поеду, приложусь к иконе Божией Матери, подам на завтра записочки. И каково же было мое удивление — я только вхожу во двор храма, а мне навстречу идет отец Владимир. Я даже вскрикнула: «Отец Владимир, а я к вам. А вы-то почему сейчас здесь?». А он говорит: «Материалы для строительства привезли, вот и приехал».

Приходит ко мне соседка Елизавета и говорит: «Вчера в 6.30 утра я с первым поездом метро поехала приложиться к Поясу Божией Матери, а сегодня с первым поездом вернулась». Сутки простояла! Это было в 11 часов утра. Поговорили, проводила её. Как правило, я обращаюсь со всеми своими вопросами и проблемами к о. Михаилу. И



вот примерно в час дня говорю ему: «Батюшка, ты знаешь, стоять сутки я не могу и времени у меня столько нет, но поеду, посмотрю, что там делается». Из дома вышла 1 час 10 мин. Выхожу на метро Кропоткинская. Объявляют: «Проходите к Зачатьевскому монастырю», естественно, всё кругом перегорожено, стоит полиция. Я перешла одну дорогу по направлению, куда всех направляют, подхожу к полицейскому, он спрашивает: «А вы куда?». Отвечаю: «В храм Христа Спасителя». Он отодвигает передо мной ограждение, я перехожу улицу, прохожу за дом и оказываюсь напротив храма, на противоположной стороне улицы. Стою и думаю, как влиться в колонну, ведь люди сутками стоят, а я здесь оказалась через 5 минут. Все стоят, дорогу перегораживают ограждениями и пропускают партиями, когда передние пройдут. И вдруг все люди побежали, а полиция вся устремилась следить за порядком, и никому не было дела до того, что я спокойно вошла в эту колонну и уже вместе со всеми бежала дальше. Когда вошли в храм, без конца объявляли о том, чтобы прикладывались к святыне рукой и не задерживали очередь, так как люди стоят сутками, чтобы приложиться. Но когда я подошла прикладываться, ковчежец опустили вниз, и я смогла его поцеловать и даже приложиться головой. Дома я была в 1.50. Это одно из маленьких чудес, которые по молитвам о. Михаила получаем постоянно, стоит только к нему обратиться и попросить.

Ещё расскажу такой случай. Великим постом 2010 года у матушки Верочки во время её мытья в ванне произошло защемление седалищного нерва. Из ванны до комнаты мне пришлось её тащить на одной ноге, на вторую от боли она наступить не могла. Вызвала скорую помощь. Сделали укол и сказали, что в больницу её не возьмут, даже если у неё будет тромбоз, потому что плохое сердце и возраст 96 лет. Оставили её дома, назначив курс лечения, и вызвали участкового врача. Состояние всё время было тяжелое — сильные боли. Верочка постоянно принимала болеутоляющее.

В Великую пятницу с 9 утра до 13 боли у Верочки стали нестерпимые. Участковый врач настояла на госпитализации в 20 городскую больницу. При обследовании в больнице ни переломов, ни почечных колик как причин боли не выявили, и нас отправили домой. Дома эти нестерпимые боли продолжались, пришлось снова вызывать скорую помощь и колоть обезболивающее.

Утром в Великую субботу из-за большого количества обезболивающих состояние Верочки ухудшилось, появилась заторможенность. Мы не могли её разбудить, чтобы сделать укол. В таком состоянии она находилась до понедельника Светлой седмицы.

В понедельник утром пришел о. Андрей причастить её. Разбудить её нам также не удалось. Уходя, он сказал: «Тётя Валя, пока она спит, вы тоже отдохните».

Верочка всегда спала головой к окну. А из-за боли в ноге мы её перевернули в другую сторону. Посчитали, что ей так удобнее. Уходя от неё, я приставила к кровати стул с тяжёлой подушкой и табуретку, чтобы она не упала, и ушла отдохнуть. Спустя три часа я зашла в комнату и остолбенела: табуретка — на противоположной стороне, стул с подушкой стоит далеко от кровати. А сама Верочка лежит на спине, головой в противоположную сторону. Причём Верочка всегда лежала на боку, поджав под себя больную ножку. А тут лежит на спине на аккуратно поправленной постели, накрытая одеялом, когда она вообще на спине не спала.

К двум часам дня она проснулась. Я её спрашиваю: «Верочка ты же лежала в другую сторону, почему ты сейчас так лежишь?». Она мне на это ответила: «Меня кто-то перенёс». Я спрашиваю: «А кто?» — «Ой, я не помню».

В два часа дня приходит Ольга Константиновна, видит, что Верочка лежит не как обычно, а в другом направлении, и спрашивает меня: «Ты зачем переложила Верочку в другую сторону?» — «Да как же я одна могу её поднять, тем более переложить на другую сторону?». Сама Верочка не в состоянии перевернуться, даже натянуть на себя одеяло не может, одна нога совсем не двигается. В доме же, кроме меня, никого не было.

Много ещё можно написать о батюшке, о его молитвенной помощи. В последние годы к батюшкиной могиле на Ваганьковском кладбище стали приходить люди, не знавшие о. Михаила при жизни, но прочитавшие его книги, услышавшие его живой голос на радиостанции «Радонеж». Жизнь этих людей изменилась после молитвенного обращения к о. Михаилу.

Я не сомневаюсь, что наш дорогой батюшка за свои молитвенные подвиги и скорби сподобился Милости Божией. И мы не только молимся за него, но и просим его молитв у Небесного Престола Божия.

Царство Небесное и вечная память протоиерею Михаилу!

Отец Стефан на день своего Ангела (9 мая 2017 г.) пригласил меня с Верой Ивановной в храм святых Флора и Лавра, настоятелем которого является его духовный отец, игумен Валерий (Ларичев), бывший врач психиатр. Народу на празднике было очень много, и после всех поздравлений отец Валерий сказал: «Дорогие мои, я много прочел книг и должен вам сказать, приобретите все книги отца Михаила Труханова, вы найдете там ответы на все наши вопросы, они все подтвержде-

ны Священным Писанием и духовным опытом святых отцов». Отец Стефан добавил: «Не надо вам будет беспокоить священника простыми вопросами, там на всё ответы есть».

После смерти батюшки мне пришлось беседовать с Владыкой Арсением. Он мне и говорит: «Что вы носитесь со своим отцом Михаилом, я поднимал его документы, там ничего хорошего нет, одни жалобы». На это я ему, показывая на плечи, как на погоны, говорю: «А что могло быть хорошего, если там сидели такие?». Он мне на это ответил: «Не всё от нас зависит», а я говорю: «Вот-то и оно». Он поднялся с кресла, благословил меня, дал большую просфору, и мы с ним расстались. Вскоре после этого вижу во сне: сидит о. Михаил в моей комнате в углу около икон за столом, улыбается и меня благословляет.

#### *Святая Земля. Иерусалим*

Во время пребывания на Святой Земле (январь 2012 г.) причащались по три раза в неделю. Так, однажды я причастилась в каком-то храме, а на ночь было запланировано ехать в храм ко Гробу Господню. Я подхожу к о. Иннокентию и спрашиваю: «Как насчёт исповеди, чтобы ночью причаститься в храме у Гроба Господня?». Отец Иннокентий спрашивает: «А когда причащались?». Говорю: «Сегодня». Он мне отвечает: «Знаете, я не могу ничего вам сказать. Решайте сами, все-таки это не положено». Не запретил и не разрешил, а

развел руками и сказал: «Я даже и не знаю, что сказать. Поступайте, как вам подскажет ваша совесть». После такого ответа, я рассердилась, не знаю на кого, и сказала себе: «Ну, на ночь я не поеду, служат на греческом языке, ничего не понятно, стоять тяжело, да и не причащаться... Нет, не поеду никуда, лягу спать». (А причащаться без исповеди не решилась, это брать на себя не могла). Конечно, и записки на помин я нигде не подала.

И вот все поехали в ночь на службу, а я улеглась спать. Вижу сон. Как будто я в огромном храме, все причащаются, а я одна — нет, и так как не причащались, то решила выйти из храма. Выхожу, грустная, из храма, и, только вышла, за мной дверь сама захлопнулась, и я осталась за дверями храма. Полил сильный дождь, да такой, что меня отрезал от храма, я не могла наступить, море воды, а я стою на каком-то островке, еле-еле ноги можно поставить. Смотрю кругом, а кругом разливанное море, и конца не видать. А я оторвана от закрытого храма и нигде суши. В страхе оглядываюсь кругом, что мне делать, где и как бы мне обойти и пройти в храм? И вижу далеко-далеко сзади свою покойную мамочку: она издали, согнувшись, с палочкой, бедная, бежит ко мне по воде, да так торопится, вот-вот упадет. Я ей трижды кричу: «Мама! Мама! Мама!». Она уже почти около меня. А я думаю: «Мама переживает за меня, что я оказалась среди воды». И тут же проснулась.

«MY MEMORIES»: MEMORIES OF VALENTINA ANDREEVNA ZVONKOVA. Pt. 2

